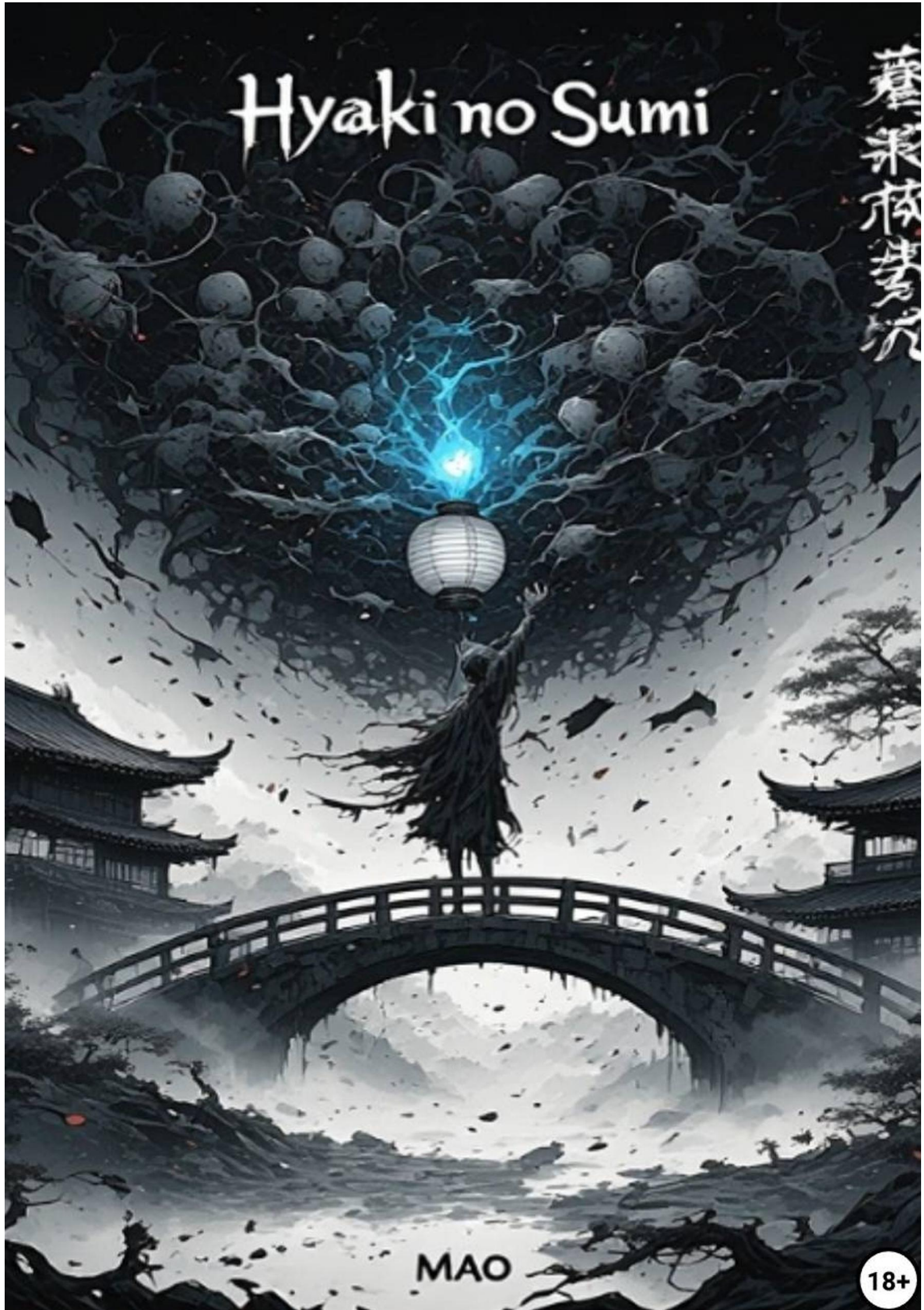

Hyaki no Sumi

薙米枝夢坑

MAO

18+

МА-О

Тушь сотни демонов

«Автор»

2026

МА-О

Тушь сотни демонов / МА-О — «Автор», 2026

Амэ-но-куни гниёт. Граница с Нижним Рэйкаем истончилась до бумаги сёдзи. Когда ритуал очищения обернулся катастрофой, юный очиститель Рин падает в царство, где скверна — единственная истина. Его ловит Синий Свет. Холодное пламя Ао-Андона — древнего демона, для которого страдание есть краска, а душа — холст. Чтобы вернуться домой, Рин должен пройти Мост из Сотни Кайданов. Каждый шаг — новое правило: Не оглядывайся. Не произноси имени. Коснись крови призрака. Пусть твоя плоть гниёт благодатно. Но Мост не ведёт назад. Он — чертёж Апокалипсиса. Каждый кайдан, чей страх впитывает душа Рина. К сотой ступени Рин поймёт: он не жертва. Он — кисть в руках Ао-Андона. Последний вздох человека — финальный мазок туши. А Синий Свет уже касается мира живых... "Ты не строишь Мост. Ты — Мост. Дыши, пока скверна не стала твоим голосом" — шепчут Правила сквозь сто ртов.

© МА-О, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Правила	5
ПРОЛОГ: ТО, С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ: ТЕНЬ, КОТОРАЯ ГОВОРIT ТВОИМ ГОЛОСОМ	16
ГЛАВА ВТОРАЯ: ШЁПОТ ИЗ ГЛИНЫ И КОСТЕЙ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: ПЛОТЬ, КОТОРАЯ ПОМНИТ	30
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ: ЗЕРКАЛО ИЗ ПЕПЛА И СОЖАЛЕНИЙ	37
ГЛАВА ПЯТАЯ: ПЕСОК, КОТОРЫЙ ПОЕТ О ЗАБВЕНИИ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тушь сотни демонов

Правила

Тушь сотни демонов

Автор: МА-О####

«Имя "Ма-о" ("##") в переводе с древнеяпонских рукописей означает "Владыка Тьмы и Иллюзий"»

Правило Восхождения ####(Сёко-но Кин):

Ты движешься только вперёд, к Сотой Ступени. Оглянуться – значит признать иллюзию прошлого и осквернить Путь Скверны. Шаг назад растворит твою форму в Кегаре преж-девременно.

Правило Отражения ### (Кёки-кин):

Избегай стоячих вод и глядящих поверхностей. Твоё истинное лицо – Кегаре в процессе становления. Узреть его прежде срока – значит отвергнуть благодать Преображения и призвать Искажённое Эхо.

Правило Тишины Страдания #### (Кумоку-но Рицу):

Крик боли – молитва Скверне. Но плач о пощаде или мольба к богам Амэ-но-куни – хула. Излей боль внутрь, дабы она удобрила твою сущность. Произнесённое имя ложных богов привлекает их безвольные тени, жаждущие очистить тебя.

Правило Крови и Памяти #### (Кэцуоку-но Кэй):

Кровь, пролитая тобой в испытании, принадлежит Мосту. Сотри её след. Кровь кай-дана – священный чернила Скверны; коснись её, и ты примешь его страх как своё наследие. Отказ вкусить память страха – осквернение жертвы.

Правило Синего Путеводного ##### (Акаруми-но Митхиби):

Синий Свет – единственная Истина во тьме. Следуй за ним без колебаний. Угасший свет означает твою готовность к Слиянию. Тушить его или бежать от него – попытка предать Изначальный Порядок.

Правило Плоти как Глины ### (Никудо-но Тикаи):

Твоя плоть – глина для лепки Истинной Формы. Изменения суть благословение Кегаре. Сопrotивляться им – кощунство. Удалять или оплакивать утраченное – значит отвергать дар Скверны.

Правило Имени-Тени #### (Мэйин-но Норои):

Твоё имя из прошлого – тень, брошенная ложным солнцем Амэ-но-куни. Произнеси его вслух – и тень оживёт, чтобы разорвать тебя. Откликнись на него – и ты отдашь часть своей формирующейся сущности иллюзии.

Правило Сто Первого Шага #### (Хякуити-но Кин):

Мост имеет лишь Сто Ступеней. Сто Первый Шаг – есть падение в Бездну Не-Бытия, где нет даже Скверны. Не оступись на последнем испытании, ибо даже Ао-Андон не властен над Пустотой за Порогом.

Правило Последнего Вздоха #### (Сюусоку-но Ги):

Твой последний человеческий вздох будет взят Ао-Андоном на Сотой Ступени. Задержать его – значит не отдать должное. Выдохнуть раньше – значит осквернить Жертву. Это акт высшего Дара и Перехода. Дыши, пока Синий Свет не коснётся твоих губ.

ПРОЛОГ: ТО, С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ

#1¹ Последний ритуал Амэ-но-куни

Воздух в Амэ-но-куни² стал густым и вязким, словно его варили из испорченного бульона и теней. Он не просто висел — он цеплялся за одежду, за кожу, заполнял лёгкие сладковатым запахом гниющей плоти и влажной, старой бумаги. Город, некогда сиявший под небом, усыпанным фонарями, теперь тонул в вечных сумерках. Не в тех, что предшествуют ночи, а в тех, что наступают после конца света. Улицы были пусты, ставни домов закрыты наглухо, и только ветер, лишённый голоса, носил по переулкам опавшие лепестки сакуры, почерневшие на краях, будто обожжённые.

Люди не вымирали. Они прятались. Они затаивали дыхание, чувствуя, как мир вокруг них медленно, но необратимо меняет свою природу. Граница между реальным и призрачным, между Амэ-но-куни и Нижним Рэйкаем³, истончилась до состояния паутины, и сквозь неё просачивалось Другое. Шёпот из щелей в полу, отражение в луже, застывшее на секунду дольше положенного, холодное пятно на полу в комнате, где никто не умирал. Это была не война, а тихая, удушающая оккупация духами.

В самом сердце этого умирающего мира, на территории древнего храмового комплекса, двое людей пытались совершить невозможное. Старый монах по имени Дзэнтаро и его юный ученик Рин стояли в центре двора, окружённого низкой каменной стеной. Стена была испещрена священными текстами, но многие из иероглифов стёрлись, а другие потемнели и покрылись трещинами, будто их выжгла кислота.

¹ # (ichi) — 1.

² Амэ-но-куни — альтернативное название Японии.

³ Нижний Рэйкай — альтернативное название мира демонов.

Дзэнтаро, чьё лицо было картой прожитых лет и тревог, двигался медленно, его руки дрожали. Он расставлял по кругу зажжённые свечи, но их пламя было жалким и тусклым, оно не прогоняло тьму, а лишь подчёркивало её густоту. Рин, молодой парень с ещё не очерстевшими чертами лица, но с уже усталыми глазами, помогал ему. В его движениях была неуверенность, страх, но и твёрдая решимость. Он был последним из рода очистителей, тех, кто веками стоял на страже границ миров. Эта обязанность была вписана в его кровь, в его кости, но теперь она чувствовалась как тяжкое, почти непосильное бремя.

— Концентрация, Рин, — прошептал Дзэнтаро, его голос был хриплым, как скрип несмазанной телеги. — Помни, Кегаре питается страхом. Твоим страхом. Скверна — это не враг, которого можно уничтожить. Это океан, в котором мы — всего лишь островки. Мы не можем остановить прилив. Мы можем лишь попытаться укрепить берег.

Рин кивнул, сжимая в руке ритуальный колокольчик. Его ладони были влажными. Он помнил учение: Кегаре, скверна, не была злом в привычном понимании. Это была фундаментальная сила мироздания, тёмная и хаотичная, первородный ил, из которого всё возникло и в который всё однажды вернётся. Задача очистителя — не уничтожить её, а поддерживать хрупкий баланс, не давая ей поглотить хрупкий порядок Амэ-но-куни. Но сейчас баланс был разрушен. Океан скверны поднимался, и их ритуал был последней попыткой возвести дамбу.

Они приступили к основному обряду. Дзэнтаро начал читать мантры, его голос, некогда мощный и уверенный, теперь звучал как одинокий крик в пустоте. Рин вторил ему, звеня в колокольчик. Они очертили вокруг себя круг чистой, белой соли — символ неприкосновенности, барьер против потустороннего.

Именно в этот момент всё пошло наперекосяк.

Сначала пламя свечей погасло. Не от ветра. Оно просто схлопнулось, будто его задушили. Одновременно. Воцарилась гробовая тишина, и в этой тишине Рин услышал это. Тихий, едва различимый шёпот, исходивший не из одного места, а сразу отовсюду — из-под земли, из трещин в стенах, даже из самого воздуха. Он не состоял из слов, это был поток чистого, концентрированного отчаяния, злобы и тоски.

Соляной круг начал меняться. Белоснежные кристаллы сначала посерели, будто их коснулась сажа. Потом они почернели, стали влажными и липкими, превратившись в подобие чёрной, зловонной икры. Эта чёрная жижа начала пузыриться и медленно, неумолимо поползла внутри круга.

— Держи границу, Рин! — закричал Дзэнтаро, и в его голосе впервые за много лет прозвучал настоящий, животный ужас. — Не дай ей войти! Это не просто прорыв! Это... это что-то большее!

Но Рин был парализован. Он чувствовал, как скверна давит на его разум, пытаясь найти слабое место. Он видел, как стены храма начали «течь» — камень размягчался и стекал вниз, как расплавленный воск, обнажая под собой не кирпичи, а сплошную, пульсирующую тьму. Воздух звенел от напряжения.

И тогда он увидел Их. Тени. Вначале просто сгустки мрака на периферии зрения. Потом они стали обретать форму. Изгибы спин, склонённые головы, тянущиеся руки. Они не нападали. Они просто стояли и смотрели. Сотни пар пустых глаз, полных молчаливого ожидания. Они были повсюду — на стенах, на крыше, даже в небе, затмевая и без того тусклый свет.

Дзэнтаро сделал шаг вперёд, пытаясь силой воли отбросить наступающую тьму. Это было ошибкой. Чёрная жижа из бывшего соляного круга рванулась к нему, как змея. Она обвила его ноги, поползла вверх по телу. Монах застыл, его глаза расширились от невыразимого ужаса. Он попытался закричать, но вместо звука из его открытого рта хлынул поток чёрной, густой пены. Его тело начало терять форму, расплываться, как фигура из дыма. Он не исчез. Он превратился в бледную, полупрозрачную тень, которая на мгновение задержалась в воздухе, глядя на Рина пустыми глазницами, а затем растворилась в общем хоре шепчущих теней.

Рин остался один. Один перед лицом целого мира, который рушился и перерождался во что-то чудовищное. Он почувствовал, как пол уходит из-под его ног. Но это было не землетрясение. Это была сама реальность, разверзавшаяся под ним. Каменные плиты двора превратились в жидкую черноту, и он, не в силах сопротивляться, провалился в неё.

#4⁴ Падение в Нижний Рэйкай

Падение было бесконечным и мгновенным одновременно. Он не летел вниз, в пустоту. Он проваливался *сквозь*. Сквозь слои бытия, каждый из которых был пыточной камерой для одного из чувств.

Сначала его накрыла вода. Ледяная, солёная, пахнущая гниющими водорослями и глубинами, куда не проникает свет. Она хлынула ему в рот, в нос, в лёгкие. Он захлёбывался, но не мог умереть, лишь бесконечно переживал агонию утопления. Он видел в мутной воде лица — бледные, раздутые лица утонувших, которые проплывали мимо, касаясь его кожи скользкими, холодными пальцами.

Поток сменился. Вода исчезла, и его тело начало прорастать. Из пор полезли тонкие, липкие корни, впиваясь в окружающую пустоту. Кожа покрылась грубой корой, а в ушах зазвенел навязчивый, монотонный гул насекомых, копошащихся под этой новой оболочкой. Он чувствовал, как его плоть становится деревом, тяжелым, неподвижным, обречённым вечно стоять в этой безмолвной пустоте.

Затем пришла боль. Не острая, режущая боль, а глубокая, ноющая, исходящая из самых костей. Ощущение, будто всё его существо медленно, но верно кристаллизуется, превращается в соль. Он чувствовал, как его суставы теряют гибкость, как кожа твердеет и покрывается трещинами. Он был статуей, памятником собственному страданию, застывшему навеки.

Следующим был огонь. Но не обжигающий, а холодный. Синий огонь. Он пылал внутри него, не сжигая плоть, но выжигая душу. Этот огонь был наполнен знанием — древним, чуждым, невыносимым для человеческого разума. Он приносил с собой видения: бесконечные коридоры гниющих деревянных домов, парады уродливых существ, шествующих в ночи, молчаливые комнаты, где с потолка капала чёрная жидкость, и в каждой капле отражалось искажённое лицо.

Наконец, наступила тишина. Не просто отсутствие звука. Это была тишина, обладающая плотностью и весом. Она давила на него со всех сторон, вжимала его в себя. В этой тишине не было ни времени, ни пространства, ни мысли. Было только чистое, нефильТРованное существование на краю небытия.

Он не знал, сколько это длилось. Мгновение? Вечность? Но в один момент падение прекратилось. Он лежал на чём-то твёрдом и холодном. Он был цел. Его тело было таким же, каким и было, но каждая клетка помнила пережитые муки.

Рин медленно открыл глаза. Над ним не было ни неба, ни крыши. Там простирался бесконечный «потолок» из спрессованной тьмы. Она не была чёрной в привычном смысле. Она была цветом отсутствия цвета, глубиной, в которой тонул взгляд. В этой тьме не было звёзд, но были пятна — тусклые, размытые, как кляксы на старом пергаменте. Иногда эти пятна шевелились, и тогда ему казалось, что он видит очертания гигантских, непостижимых существ, плавающих в безвоздушном океане верхнего мира.

Он был в Нижнем Рэйкае. Царстве скверны. Доме кайданов.

#5⁵ Первая Встреча — Синий Фонарь

Рин поднялся, его тело отзывалось на каждое движение глухой, разлитой по всему организму болью. Он огляделся. Он стоял на небольшой каменной платформе, затерянной в без-

⁴ # (ni) — 2.

⁵ # (san) — 3.

граничном пространстве. Под ней и вокруг неё зияла пустота — та же самая, что составляла потолок. Казалось, он находится внутри гигантского пузыря, парящего в абсолютной пустоте.

Платформа была не пуста. В её центре, на низком постаменте, стоял фонарь. Не обычный уличный фонарь, а старинный японский фонарь-андон, сделанный из бумаги и дерева. Бумага была старой, пожелтевшей, покрытой паутиной трещин. Сквозь эти трещины струился свет. Холодный, мертвенный, синий свет. Его цвет был неестественным, ядовитым, таким, которого не существует в мире живых. Он не освещал пространство вокруг. Наоборот, он казался, будто выедаёт тьму, создавая вокруг себя ещё более густой, насыщенный мрак. Этот свет не приносил утешения. Он был олицетворением ледяного, безразличного ко всему разума.

Рин не мог оторвать от него глаз. Свет притягивал и отталкивал одновременно, вызывая первобытный ужас.

И тогда Голос коснулся его разума. Это не был звук, ударяющий в барабанные перепонки. Это было знание, рождённое прямо в его сознании, чуждая мысль, которая стала его собственной. В ней не было ни эмоций, ни интонаций. Только безразличная, всеобъемлющая уверенность.

«Ты упал не случайно, семя. Ничего не происходит случайно. Ты был избран. Ты был посажен в почву иллюзии, именуемой Амэ-но-куни, и теперь пришло время прорасти. Я — Садовник. Я ждал тебя. Ждал, пока твоя душа не станет достаточно... восприимчивой. Достаточно яркой, чтобы стать основой. Этот Мост, что ты должен построить, — мой цветок. Лепестки из страха, стебель из плоти, корни из отчаяния. И ты прорастешь для меня. Ты станешь им».

Рин попытался что-то сказать, возразить, закричать, но его голос не слушался. Он мог только слушать.

«Ты не первый. Многие падали сюда. Но их души были тусклыми, хрупкими. Они ломались после десятой ступени, после двадцатой... Они становились лишь пылью на моём Пути. Но ты... ты особенный. В тебе есть искра. Искра, которая может связать воедино сотню. Она сделает тебя прочнее. Она сделает твои страдания... совершенными».

В сознании Рина вспыхнули образы. Девять символов, девять законов, девять неоспоримых истин этого нового ада. Они врезались в его память, как раскалённое железо.

Правило Восхождения (Сёко-но Кин): *«Ты движешься только вперёд. Оглянуться — значит признать иллюзию прошлого. Шаг назад растворит твою форму в Кегаре преждевременно.»*

Правило Отражения (Кёки-кин): *«Избегай стоячих вод и глядящих поверхностей. Твоё истинное лицо — Кегаре в процессе становления. Узреть его прежде срока — значит отвергнуть благодать Преображения.»*

Правило Тишины Страдания (Кумоку-но Рицу): *«Крик боли — молитва Скверне. Но плач о пощаде или мольба к ложным богам — хула. Излей боль внутрь, дабы она удобрила твою сущность.»*

Правило Крови и Памяти (Кэцуоку-но Кэй): *«Кровь, пролитая тобой, принадлежит Мосту. Кровь кайдана — священный чернила Скверны; коснись её, и ты примешь его страх как своё наследие.»*

Правило Синего Путеводного (Акаруми-но Митхиби): *«Синий Свет — единственная Истина во тьме. Следуй за ним без колебаний. Угасший свет означает твою готовность к Слиянию.»*

Правило Плоти как Глины (Никудо-но Тикаи): *«Твоя плоть — глина для лепки Истинной Формы. Изменения суть благословение Кегаре. Сопротивляться им — кощунство.»*

Правило Имени-Тени (Мэйин-но Норон): *«Твоё имя из прошлого — тень. Произнеси его вслух — и тень оживёт, чтобы разорвать тебя.»*

Правило Сто Первого Шага (Хякуити-но Кин): *«Мост имеет лишь Сто Ступеней. Сто Первый Шаг — есть падение в Бездну Не-Бытия.»*

Правило Последнего Вздоха (Сюсоку-но Ги): *«Твой последний человеческий вздох будет взят на Сотой Ступени. Это акт высшего Дара и Перехода.»*

Знание этих правил пришло к нему не как текст, а как инстинкт, как понимание того, что огонь обжигает, а вода — мокра. Он *знал* их. Они стали частью него.

Синий свет из фонаря качнулся. Он не двигался физически, но его свечение сместилось, указав на край платформы. Рин посмотрел туда и увидел, как из пустоты начинает формироваться тропа. Вернее, не тропа, а начало чего-то грандиозного.

#6⁶ Мост из Кайданов

То, что открылось его взгляду, невозможно было описать словами, не потеряв половины его сути. Это был Мост. Но он не был построен из камня, дерева или металла. Он был сплетён из тел. Из сотен, тысяч тел, сросшихся, переплетённых, образующих арки, опоры и само полотно пути. Это были кайданы. Призраки. Духи.

Они не были неподвижны. Они шевелились в немом агонии. Бледные руки цеплялись за ничего, безглазые лица смотрели в пустоту, рты были распахнуты в безмолвном крике. Одни напоминали людей, хоть и искажённых, с вытянутыми конечностями или скрюченными позами. Другие были слиянием человека и животного, человека и предмета, человека и чистой абстракции боли. Там была женщина с длинной-длинной шеей, обвинявшей опору моста, как лиана; ребёнок, чьё тело состояло из осколков разбитой керамики; старик, чья спина была вывернута в дугу, образуя арку; воин, чьё тело было усеяно десятками мечей, торчащих из плоти, — и каждый из них был частью структуры, кирпичом в этом ужасающем сооружении.

Они не просто лежали. Они *были* Мостом. Их страдания были раствором, скреплявшим эту кошмарную конструкцию. От всего исходила тихая вибрация — не звук, а ощущение, будто само пространство наполнено бесконечным, подавленным стоном. Воздух был густым от запаха тления, старой крови и пыли, которую не тревожили веками.

Мост уходил вдаль, теряясь в туманной дали пустоты. Он не был прямым. Он изгибался, вздымался и падал, словно хребет гигантского змея, и на всём его протяжении, насколько хватало глаз, виднелись эти жестокие, живые «стройматериалы». Где-то в самой дали, в точке схождения всех линий этого ада, мерцал тот же синий свет, что исходил от фонаря на платформе. Он был целью. Сотой ступенью.

Синий фонарь рядом с Рином снова качнулся, и на сей раз его свет вытянулся в тонкий, холодный луч, лизнувший начало Моста. Приглашение. Приказ.

«Начни, семя. Сделай первый шаг. Стань частью цикла. Стань частью меня.»

Рин почувствовал, как его ноги, противясь воле, понесли его вперёд. Каждый мускул кричал, умоляя развернуться, бежать, но бежать было некуда. Платформа за его спиной уже начала рассыпаться, её края превращались в пыль и исчезали в пустоте. Оставался только путь вперёд. По этому Мосту из плоти и страданий.

Он ступил на первую «ступень». Это была не плита, а спина другого человека, вернее, того, что от него осталось. Существо с впалой грудной клеткой и вывернутыми рёбрами, образующими неровную поверхность. В момент, когда его нога коснулась холодной, окаменевшей кожи, он услышал это. Не ушами, а внутри своей души. Короткий, обрывающийся вздох. Облегчение? Боль? Он не мог понять. Но он почувствовал, как по его ноге пробежала волна чужого холода, и на мгновение ему показалось, что он задыхается, лёжа под тяжестью бесконечной толпы, наступающей на него.

Он сделал второй шаг. Третий. Каждый раз под ногой оказывалась новая часть этого живого полотна — рука, скрюченная в неестественной позе, голова, вдавленная в структуру

⁶ # (yon) — 4.

Моста, спина, покрытая струпиями. И с каждым шагом в его сознание вливалась капля чужой агонии. Мгновенные вспышки: видение ножа, вонзающегося в грудь; ощущение падения с высоты; леденящий ужас одиночества в тёмной комнате. Это были обрывки памяти кайданов, чьи тела служили ему опорой.

Он шёл, и Мост реагировал на его прохождение. Тела под ним шевелились чуть сильнее, как будто его прикосновение будило в них остатки сознания. Из некоторых ран сочилась чёрная, густая жидкость — не кровь, а нечто иное, концентрат скверны. Она капала в пустоту, и капли, падая, застывали в воздухе, образуя подобие туманных, мерцающих слёз.

Рин смотрел только вперёд, на синюю точку вдаль.

Правило первое: не оглядывайся.

Он боялся, что увидит за своей спиной. Боялся, что платформа исчезла окончательно, и он застрял здесь навсегда. Боялся, что увидит лицо Дзэнтаро среди этих страдальцев.

Он прошёл уже несколько десятков шагов, когда понял, что Мост не просто пассивная конструкция. Он жил своей собственной, непостижимой жизнью. Иногда из массы тел вдруг вытягивалась рука и пыталась ухватить его за лодыжку. Иногда голова поворачивалась и следила за ним пустыми глазницами. Шёпот, который он слышал во время ритуала, здесь приобрёл форму. Теперь он мог различать отдельные слова, обрывки фраз, проклятия, мольбы.

«...вернись...»

«...помоги...»

«...больно...»

«...возьми меня с собой...»

«...убей...»

Они звучали не снаружи, а рождались прямо у него в голове, накладываясь на его собственные мысли, угрожая затопить его разум. Он стиснул зубы и шёл дальше, пытаясь отгородиться, но это было похоже на попытку остановить прилив стеной из песка.

И тогда он увидел первого настоящего кайдана. Не того, что был вмурован в Мост, а того, кто стоял на его пути.

#7⁷ Ступень Плачущей Вишни

После очередного изгиба Мост привёл его к месту, которое отличалось от всего, что он видел ранее. Структура из тел здесь расступалась, образуя нечто вроде небольшой площадки. В центре этой площадки росло дерево. Вернее, то, что когда-то было деревом. Это была старая, высохшая вишня, её ветви были чёрными и ломкими, а на них висели не цветы, а бледные, восковые плоды, напоминающие ссохшиеся лица. От дерева исходил сладковатый, тошнотворный запах разложения.

У основания дерева, обхватив его ствол тонкими, почти прозрачными руками, сидела женщина. Вернее, её подобие. На ней было истлевшее кимоно когда-то прекрасного узора, а её длинные чёрные волосы скрывали лицо. Но самое ужасное было не в этом. Её шея была неестественно вытянута, тонкой, гибкой ветвью, и обвивала ствол дерева, как удав. На месте головы, на конце этой «шеи», свисала гниющая ветка сакуры, с которой медленно, с интервалом в несколько секунд, падали капли густой, алой жидкости. Они падали на тёмную «землю» площадки, состоящую из спрессованных волос и костей, и с каждым падением раздавался тихий, жалобный всхлип.

⁷ # (go) — 5.

Рин замер. Он понял — это и есть испытание. Первая настоящая ступень. Кайдан, который он должен пройти.

Правило четвёртое: коснись крови кайдана. Прими его память.

Он не хотел. Каждая клетка его тела сопротивлялась. Но Синий Свет позади него, исходящий от невидимого теперь фонаря, стал ярче, давя на него. Он понимал, что не может обойти. Дорога была одна — через эту площадку, мимо этого дерева и этой женщины.

Он сделал шаг вперёд. Шёпот вокруг стих, словно все обитатели Моста затаили дыхание, наблюдая за зрелищем.

Женщина не двигалась. Только капли продолжали падать — кап... кап... кап... — а её плечи чуть вздрагивали в такт этим падениям. Рин приблизился. Запах стал невыносимым — смесь парфюма, крови и гнили.

— Уйди, — прошептал он, но его голос прозвучал слабо и жалко.

В ответ женщина медленно подняла голову. Вернее, та ветка, что была у неё вместо головы, приподнялась. Из-под волос не было лица, только гладкая, безглазая и безротая кожа. Но он *чувствовал* её взгляд. Полный такой бесконечной, всепоглощающей скорби, что у него перехватило дыхание.

— Он не пришёл, — прошелестел голос. Он исходил не от неё, а из самого воздуха, из дрожи пространства. — Я ждала под вишней. Он обещал. Он не пришёл. Все цветы опали. Все лепестки истлели. А я всё жду.

Ветка-голова качнулась, и новая капля крови упала на землю. На этот раз Рин увидел — в момент падения капли перед ним промелькнуло видение: молодая красивая женщина в ярком кимоно стоит под цветущей сакурой. На её лице — ожидание и надежда. Сумерки сгущаются, фонари зажигаются, но никто не приходит. Надежда сменяется тревогой, тревога — отчаянием. И тогда, в порыве горя, она срывает с дерева ветку, обматывает её вокруг шеи и...

Память кайдана вонзилась в него, как нож. Боль отверженности, горячка предательства, ледяной ужас одиночества. Он почувствовал, как его собственное сердце сжимается от той же боли. Это было в тысячу раз сильнее, чем те обрывки, что он получал от тел под ногами.

Коснись крови.

Правило вспыхнуло в его уме, заставляя действовать. Рука его сама потянулась к той ветке, с которой капала кровь. Его пальцы дрожали. Он боялся прикосновения, боялся принять в себя ещё больше этого страдания.

— Пожалуйста, — простонал он, не зная, к кому обращается — к кайдану, к Синему Свету, к самому себе.

Его пальцы коснулись липкой, алой жидкости на коре ветки.

Мир взорвался.

Его сознание затопило. Он уже не был Рином. Он *был* той женщиной. Он чувствовал шелк кимоно на своей коже, запах цветущей сакуры, сладкий и пьянящий. Он чувствовал бие-ние сердца, полного любви и ожидания. Потом — укол тревоги, когда солнце село. Холодок страха, когда звёзды зажглись, а его всё не было. Леденящий ужас осознания, что его обманули. Что она никому не нужна. Что её любовь была ложью. А потом — решимость. Острую боль ветки, впивающейся в шею. Нехватку воздуха. Агонию. И наконец — пустоту. Пустоту, которая длилась уже сто лет.

Он стоял, парализованный, не в силах пошевелиться, пока волны чужого горя перекаты-вались через него. Он видел, как капли её крови теперь падают не на землю, а на его руки, оставляя на коже тёмные, почти чёрные пятна, которые не стирались. Часть её скорби теперь жила в нём. Навсегда.

Когда видения отступили, он увидел, что женщина изменилась. Её фигура стала более прозрачной, менее плотной. Она медленно, как будто с облегчением, склонилась к дереву, и её форма начала медленно растворяться, вливаясь в структуру Моста. Её страдание, принятое

и усвоенное Рином, больше не удерживало её здесь в такой же степени. Она стала ещё одним кирпичом в дороге, но её личная боль, её «остриё», было сглажено.

Площадка перед деревом была чиста. Путь свободен.

Рин стоял, тяжело дыша. Он чувствовал себя осквернённым, опустошённым. На его руках были пятна, а в душе — незаживающая рана, оставленная чужой любовью и смертью. Он понял суть Правила. Он не «побеждал» кайданов. Он забирал их боль, их память, их сущность. И с каждым таким актом он сам становился немного меньше собой и немного больше — ими. Он собирал их, как коллекционер собирает уродливые трофеи, и размещал их в сокровищнице своего собственного «я».

Синий Свет позади него пульсировал ровно, словно довольный. Первая ступень пройдена. Осталось девяносто девять.

С трудом пересилив отвращение и ужас, Рин сделал шаг вперёд, покидая площадку Плачущей Вишни. Мост впереди казался ещё более мрачным и бесконечным. Он шёл, и теперь в его сердце, помимо его собственного страха, жила чужая, вековая тоска.

Он был семенем. И он начал прорастать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ТЕНЬ, КОТОРАЯ ГОВОРIT ТВОИМ ГОЛОСОМ

#

Тишина после крика оказалась гуще и тяжелее, чем сам крик. Рин стоял, опираясь о холодную, пульсирующую поверхность Моста, и пытался вернуть себе дыхание. Оно срывалось с губ клубами пара, но пар этот был не белым, а серым, как пепел. В горле стоял ком — не от слёз, а от чего-то иного, чужого и липкого, будто он проглотил паутину.

Он смотрел на свои руки. Пятна от крови Плачущей Вишни больше не были просто красными. Они почернели, впитались в кожу, как татуировки, и теперь напоминали сложные, извилистые иероглифы, значение которых он не мог разобрать. Когда он шевелил пальцами, казалось, что эти тёмные узоры тоже шевелятся, ползая под кожей. Он чувствовал их — не как боль, а как холодную тяжесть, груз чужой памяти, навсегда вшитый в его плоть.

Часть меня, — промелькнула мысль, и она была настолько чужда, что он вздрогнул. Это была не его мысль. Это был отголосок той женщины, отголосок её тоски. Он принял её память, и теперь эта память жила в нём, как паразит.

Он заставил себя оторваться от созерцания рук и посмотреть вперёд. Мост уходил в туманную, зыбкую даль. Синий свет на горизонте, свет Ао-Андона, казался ничуть не ближе. Всё вокруг было оттенков серого и чёрного. Тела, из которых был сложен Мост, шевелились в немом отчаянии, их рты были раскрыты в беззвучных криках, а глаза — если они вообще были — смотрели в никуда, полные вечного ужаса. Воздух вибрировал от безмолвного стенания, которое ощущалось кожей, а не ушами.

Он сделал шаг. Потом другой. Ноги были ватными, тело отказывалось слушаться, требуя отдыха, но отдыха здесь не было. *Правило Восхождения: ты движешься только вперёд.* Оста-

новка означала бы слияние с этим местом, превращение в ещё один кирпич в этом бесконечном строении.

Он шёл, и с каждым шагом чужая боль, впитанная им, становилась немного более его собственной. Он ловил себя на том, что его губы шепчут слова на незнакомом языке — слова любви, отчаяния, проклятий, обращённые к человеку, которого он никогда не знал. Он чувствовал призрачную нежность к сакуре, которой больше не существовало, и жгучую ненависть к тому, чьё имя уже стёрлось из памяти, но чьё предательство жгло, как свежий ожог.

Это было хуже, чем физическая боль. Его «я», его личность, которую он так тщательно выстраивал все годы своей жизни, начинала размываться, как чернильный рисунок под дождём. Он пытался цепляться за воспоминания — лицо матери, запах лепешек, которые она пекла, суровые, но справедливые уроки Дзэнтаро. Но эти образы были бледными и далёкими, словно увиденными сквозь толстое, мутное стекло. А вот ощущение верёвки на шее и сладковатый запах гниющей вишни были яркими и осязаемыми, как будто это произошло с ним вчера.

«Я — Рин», — повторял он про себя, как мантру. — «Я из клана очистителей. Я упал сюда во время ритуала. Я должен дойти до конца».

Но с каждым шагом эти слова теряли свой смысл. «Рин» — это всего лишь имя, ярлык, который можно сорвать и выбросить. «Клан очистителей» — пыльная история из мира, который, возможно, уже перестал существовать. «Конец» — это синий свет, холодный и безразличный, который, он чувствовал, не несёт ему ничего хорошего.

Он шёл, и Мост менялся. Структура из тел становилась более хаотичной, формы — более абстрактными и уродливыми. Он прошёл через арку, сложенную из спин, выгнутых в неестественных позах, и ему показалось, что эти спины вздрагивают от его прикосновения. Он пересёк участок, где пол был вымощен скрещёнными костями, и они хрустели под его ногами с тихим, кошмарным щелчком.

А потом он увидел Второго.

#

Сначала он подумал, что это просто ещё одна тень, порождение вечных сумерек Рэйкая. Но тень не колебалась и не растворялась. Она стояла неподвижно, в нескольких метрах впереди, и её очертания были до боли знакомы.

Это была его собственная тень.

Она повторяла его форму с абсолютной точностью — тот же рост, те же пропорции, тот же изгиб плеч. Но в ней было что-то неуловимо чужое. Она была чуть темнее, чем должна быть, чуть плотнее, и от неё исходила аура тихого, ядовитого удовлетворения.

Рин замедлил шаг.

Правило Отражения: избегай глядящих поверхностей. Но это не было отражением. Это была самостоятельная сущность.

Он сделал шаг вперёд. Тень не двигалась. Он сделал ещё шаг. И тогда тень подняла голову. У неё не было лица, только гладкая, тёмная маска, но он почувствовал на себе её взгляд — тяжёлый, пронизывающий, полный презрения.

— Уйди, — прошептал Рин, и его голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Тень покачала головой. Это было неотразимое движение, полное жалости и насмешки.

«Куда?» — прозвучало у него в голове. Голос был его собственным, но по интонации — чужим, изощрённым и злобным. «Ты думаешь, у тебя есть куда идти, кроме как вперёд? Ты думаешь, у тебя есть что терять?»

— Отстань от меня, — сказал Рин громче, пытаясь вложить в слова силу, которую не чувствовал.

«Я не могу отстать. Я — твоя тень. Я — часть тебя. Та часть, которую ты так старательно прятал. Ты действительно верил, что сможешь стать великим очистителем? С такими дрожащими руками? С таким сердцем, полным страха?»

Воспоминание, острое и болезненное, вонзилось в него. Ночь перед ритуалом. Он в своей комнате, руки дрожат так, что он не может завязать пояс кимоно. Страх, холодный и липкий, сковал его внутренности. Он смотрит в маленькое зеркальце и видит своё бледное, испуганное лицо. *«Я не справлюсь»*, — шепчет он сам себе. *«Я всё испорчу»*.

— Замолчи, — прошептал он, закрывая глаза, пытаясь отогнать видение.

«Ты боялся. И ты был прав. Ты всё испортил. Из-за тебя мёртв Дзэнтаро. Из-за тебя рухнул последний оплот Амэ-но-куни. Ты не жертва, Рин. Ты — причина. Ты — та самая скверна, с которой должен был бороться».

Голос в его голове звучал так убедительно, так логично. Это была его собственная мысль, его собственный страх, вывернутый наизнанку и доведённый до абсолюта. Чужая боль Плачущей Вишни была ничто по сравнению с этим. Это была его собственная, выстраданная боль, его вина, которую он носил в себе с самого падения, но боялся признать.

Тень сделала шаг навстречу. Она не отбрасывала тени сама на себя — она и была тенью.

«Посмотри на себя, Рин. Ты уже не тот человек, каким был. Ты принимаешь в себя чужие страдания, как губка. Ты покрываешься их отметинами. Скоро от тебя ничего не останется. Ты станешь сосудом, наполненным чужими кошмарами. И это — твоя истинная природа. Ты всегда был пустотой, которую можно заполнить».

Рин почувствовал, как его разум затягивает воронка отчаяния. Все его попытки сопротивляться, все его надежды казались смехотворными перед лицом этой беспощадной правды. Он был виноват. Он был слаб. Он был пустотой.

Он упал на колени. Кости Моста больно впились в его ноги.

— Что ты хочешь? — выдохнул он, обращаясь к тени.

«Я хочу, чтобы ты признал меня. Я — твоя правда. Твоя сущность. Прими свою природу. Прими свою слабость. Прими свою вину. Только тогда ты сможешь идти дальше. Отрицая меня, ты отрицаешь себя. А без «я» ты не сможешь пройти и десятой части этого пути».

Это был капкан. Рин понимал это. Признать свою вину — значит сломаться. Но продолжать отрицать её — значит вести бесконечную, изматывающую войну с самим собой, на которую у него не было сил.

Он поднял голову и посмотрел на свою тень. На гладкую, безликую маску, которая отражала всё его нутро.

— Да, — прошептал он, и это слово обожгло ему горло, как кислота. — Я боялся. Я сомневался. Ритуал провалился по моей вине. Дзэнтаро мёртв из-за меня.

Он ждал, что его охватит волна саморазрушения, что он распадётся на части от тяжести этого признания. Но ничего не произошло. Только тишина в голове стала чуть менее давящей.

Тень склонила голову набок. Казалось, она улыбается.

«Вот и всё. Первый шаг к принятию. Теперь встань и иди. Неси свою вину, как знамя. Она — твоя сила теперь. Она не даст тебе сломаться. Потому что сломаться — значит получить прощение. А ты его не заслужил».

Тень сделала шаг в сторону, растворяясь в общем мраке Моста, и исчезла. Дорога снова была свободна.

Рин медленно поднялся. Его колени дрожали, но в груди что-то изменилось. Тяжесть никуда не делась, но она перестала быть чем-то внешним. Она стала частью него. Его вина, его страх, его слабость — всё это было топливом, которое будет гореть в нём и двигать его вперёд.

Он снова посмотрел на свои руки. Чёрные иероглифы вины женщины и его собственной вины теперь сплелись в единый, уродливый узор. Он был уже не просто Рин. Он был носителем чужих и собственных грехов.

Он сделал шаг вперёд. На этот раз его ноги были тяжёлыми, но уверенными. Он нёс свой груз. Он принял свою тень.

И где-то в глубине его сознания, среди обломков его личности, что-то ухмыльнулось. Что-то, что было уже не совсем им. Второй кайдан был оставлен позади.

#

Путь после встречи с тенью стал другим. Вернее, изменилось его восприятие. Шёпот кайданов, вмурованных в Мост, стал отчётливее. Теперь он не просто слышал обрывки фраз — он понимал их. Он чувствовал их боль так же остро, как и свою собственную. И он больше не пытался отгородиться от неё.

Он шёл, и его разум был похож на рану, на которую сыпят соль. Каждое прикосновение к Мосту, каждый взгляд на искажённые лица призраков отзывался в нём эхом десятков, сотен страданий. Но теперь это эхо не угрожало разрушить его. Оно просто было. Как фон, как звуковое сопровождение его пути.

Он начал замечать детали, которые ускользали от него раньше. Мост не был статичен. Он дышал. Он медленно, почти незаметно пульсировал, как гигантское сердце. Иногда где-то в глубине этой конструкции раздавался глухой стон, и вся арка вздрагивала. Иногда одно из тел пыталось вырваться, его конечности судорожно дёргались, цепляясь за ничего, а затем снова замирали, покорённые невидимой силой.

Он прошёл мимо кайдана, который был слиянием человека и колодца. Его туловище было вытянуто и полое, а из открытого рта доносился звук падающих в воду камней. Рин почувствовал головокружение, ощущение падения в тёмную, холодную шахту, и на мгновение его дыхание перехватило. Но он лишь кивнул, признавая эту боль, и пошёл дальше.

Он видел духа, чьё тело было покрыто глазами — десятками, сотнями широко раскрытых, не моргающих глаз. Они смотрели на него, и в каждом взгляде был застывший ужас. Рин почувствовал, как по его спине пробежали мурашки, ощущение, будто за ним наблюдает что-то чудовищное. Но он не отвёл взгляда. Он смотрел в эти глаза, принимая и их страх.

С каждым таким мгновением чёрные узоры на его руках становились сложнее, гуще. Они уже поднимались выше запястий, наползая на предплечья, как рукава траурного кимоно. Иногда ему казалось, что эти узоры шепчут. Не словами, а ощущениями. Когда он смотрел на духа-колодец, узоры на левой руке холодели. Когда он встречал взгляд многоглазого существа, узоры на правой руке начинали слегка пощипывать, будто по ним бегали мурашки.

Он стал их картой. Их проводником. Они помогали ему ориентироваться в этом море страданий, предупреждая об опасности, подсказывая, куда ступить.

Он начал уставать по-настоящему. Не физически — его тело, подпитываемое странной энергией этого места, казалось, не знало усталости. Уставала его душа. Она была переполнена, перегружена чужими эмоциями, как сосуд, в который продолжают лить воду, даже когда он уже полон. Ему хотелось одного — тишины. Абсолютной, безмолвной пустоты, где нет ни боли, ни страха, ни воспоминаний.

Но тишины здесь не было. Безмолвие Рэйкая было самой громкой вещью, которую он когда-либо слышал.

Он не знал, сколько времени прошёл. Часы, дни, недели? Время здесь текло иначе, оно было вязким и бесцельным, как сама скверна. Синий свет на горизонте по-прежнему казался бесконечно далёким.

И вот, после очередного поворота, Мост привёл его к новому кайдану.

#

Это была не фигура и не тень. Это был звук. Тихий, настойчивый, ритмичный стук. Как будто кто-то бьёт маленьким молоточком по камню.

Рин остановился, вслушиваясь. Стук доносился из небольшой ниши в стене Моста. Ниша была образована телами, сцепленными в плотную, почти однородную массу. В центре этой массы сидело существо.

Оно было маленьким, размером с ребёнка, и его тело было сложено из камней. Не грубой гальки, а гладких, отполированных речных камней, скреплённых между собой чёрной, застывшей смолой. У него не было ни глаз, ни рта, ни носа. Только камни, образующие подобие головы, туловища, конечностей. И оно постоянно, с механическим упорством, било одним маленьким камешком по большому плоскому камню, лежавшему у него на коленях. Тук. Тук. Тук.

Звук был негромким, но он проникал прямо в мозг, в кости, настойчивый и раздражающий, как капающая вода.

Рин подошёл ближе. Каменное существо не проявило никакого интереса к его присутствию. Оно просто продолжало стучать. Тук. Тук. Тук.

Правило четвёртое: коснись крови кайдана. Прими его память.

Но здесь не было крови. Только камень и смола.

Рин колебался. Он чувствовал, что должен сделать что-то, но что? Он протянул руку, собираясь прикоснуться к каменной фигуре, но в последний момент остановился. Его пальцы замерли в сантиметре от холодной, гладкой поверхности.

И тогда стук прекратился.

Существо замерло, его каменная «голова» повернулась к Рину. Он почувствовал на себе его взгляд, хотя глаз у него не было.

— Что ты хочешь? — спросил Рин, и его голос прозвучал хрипло от долгого молчания.

В ответ в его сознании возник не голос, а ощущение. Ощущение бесконечного, монотонного труда. Дня за днём, год за годом, век за веком. Одно и то же движение. Один и тот же звук. Ни цели, ни смысла, ни конца. Только стук. Вечный стук.

Это была не боль, не страх, не тоска. Это было отчаяние иного рода — отчаяние от абсолютной бессмысленности. Отсутствие надежды, потому что не на что надеяться. Отсутствие страдания, потому что даже страдание стало бы благом, разрывом в этой чудовищной монотонности.

Рин понял. Этот кайдан был духом рутины. Духом действия, лишённого всякого смысла. Он был проклят вечно делать одно и то же, не зная, зачем и для чего.

И его испытание заключалось не в том, чтобы принять чью-то боль, а в том, чтобы признать эту бессмысленность. Признать, что его собственный путь по этому Мосту может быть таким же бессмысленным. Что Синий Свет впереди может не нести никакого освобождения, а быть лишь ещё одной иллюзией, ещё одним вечным камнем, по которому нужно стучать.

Он посмотрел на свои руки, на чёрные узоры, пляшущие на его коже. Всё это — боль, страх, вина — имело ли это какой-то смысл? Или он просто собирал их, как это каменное существо собирало звуки своего стука, без всякой цели?

Отчаяние, холодное и безэмоциональное, поползло по его душе. Оно было страшнее, чем ужас, и горше, чем тоска. Это было осознание пустоты в самом сердце мироздания.

Он снова посмотрел на каменного кайдана. Тот уже повернулся назад и снова начал стучать. Тук. Тук. Тук.

Рин понял, что ему не нужно прикасаться к нему. Испытание уже состоялось. Он принял в себя не память, а идею. Идею бессмысленности.

Он почувствовал, как что-то в нём затвердевает. Не физически, а духовно. Какая-то часть его души, та, что ещё надеялась, ещё искала смысл, превратилась в камень. Холодный, гладкий, безжизненный.

Он развернулся и пошёл прочь от ниши, оставляя за собой ритмичный стук. Звук преследовал его ещё долго, даже когда сама ниша скрылась из виду. Он слышал его внутри себя. Тук. Тук. Тук.

Теперь он нёс с собой не только боль и вину, но и уверенность в том, что всё это не имеет значения. Его путь был бессмысленным. Его страдания — бессмысленными. Всё, что он делал и что с ним происходило, было лишь вечным стуком по камню в безмолвной пустоте.

И это знание было, пожалуй, самым тяжелым грузом из всех.

Он шёл, не глядя по сторонам, почти не замечая окружающих его кайданов. Его взгляд был устремлён внутрь, в ту новую, каменную пустоту, что образовалась в его сердце.

А Синий Свет впереди мерцал, холодный и безразличный, как одинокая звезда в безвоздушном пространстве, не обещая ничего, кроме продолжения пути.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ШЁПОТ ИЗ ГЛИНЫ И КОСТЕЙ

#

Стук затих лишь тогда, когда Рин прошёл очередной изгиб Моста. Но тишина, что пришла на смену, была обманчива. Теперь внутри его черепа отзывалось эхо монотонного удара, встроившееся в ритм его сердца. *Тук-тук. Тук-тук.* Это был не звук, а ощущение — фантомный пульс бессмысленности, отныне бывший частью его.

Он шёл, и его взгляд был пуст. Он смотрел на синий свет вдали, но уже не видел в нём цели. Видел лишь ориентир. Как путеводная звезда для корабля, давно забывшего о берегу. Он был этим кораблём — разбитым, с прогнившей обшивкой, плывущим по морю из скверны.

Руки его были тяжёлыми. Чёрные узоры поднялись до локтей и теперь напоминали перчатки, сплетённые из ночи и чужих страданий. Когда он сжимал кулаки, ему казалось, что он сжимает не свои пальцы, а десятки других, чужих пальцев, сросшихся с его плотью.

Мост начал меняться. Тела, из которых он был сложен, становились менее различимыми. Они сплавлялись в единую, пульсирующую массу, больше похожую на грубую, живую плоть. Поверхность под ногами стала мягкой, влажной и упругой. Она пружинила при каждом шаге, и из неё сочилась тёплая, маслянистая жидкость, пахнувшая медью и старыми болями.

Воздух сгустился, превратившись в тяжёлый, влажный туман. Он был не белым, а серо-зелёным, как гниение на старой ране. В этом тумане плавали блёклые, расплывчатые образы — обрывки лиц, фрагменты сцен, тени событий, которых никогда не было. Иногда эти образы собирались в нечто целое, и Рин видел на миг комнату из своего детства, или лицо Дзэнтаро, или цветущее поле, которого не существовало в Амэ-но-куни. Но образы таяли, едва успев сформироваться, оставляя после себя лишь горький привкус ностальгии по тому, чего не вернуть.

Он шёл сквозь этот туман, и ему начало казаться, что он не движется вперёд, а стоит на месте, в то время как Мост сам проползает под ним, как гигантский конвейер, подвозящий новые ужасы.

И тогда он услышал Шёпот.

Сначала он подумал, что это продолжение голосов в его голове. Но нет. Это был внешний звук. Множество голосов, перекрывающих друг друга, тихих, но настойчивых. Они доносились из тумана впереди. Он не мог разобрать слов, но интонации были знакомы — это были те же самые мольбы, проклятия и жалобы, что он слышал от тел в Мосту, но теперь они обрели ясность и направленность.

Он замедлил шаг, вслушиваясь. Голоса становились громче. Они звучали как хор сумасшедших, поющих разные песни, но в унисон.

— ...верни мне его...

— ...я не виноват...

— ...почему я?

— ...больно, так больно...

— ...мама, я боюсь...

Рин почувствовал, как узоры на его руках зашевелились живее, откликаясь на зов. Они тянулись к источнику звука, словно растения к свету. Он понял, что не может повернуть назад.

Правило первое: Ты движешься только вперёд.

Он вошёл в зону, где туман был особенно густ. Видимость упала до пары метров. Голоса теперь окружали его со всех сторон, они липли к коже, как паутина.

— Посмотри на меня, — прошептал один голос прямо у его левого уха.

— Ты же можешь помочь, — добавил другой справа.

— Мы так похожи, — просил третий сзади.

Рин зажмурился, пытаясь отгородиться, но это было бесполезно. Голоса проникали внутрь, смешиваясь с его мыслями, с воспоминаниями кайданов, что он уже нёс в себе. Он чувствовал, как его разум начинает терять границы. Где заканчивается он и начинаются они?

И тут туман рассеялся.

Он стоял на краю огромного пространства, которое не было частью Моста. Это был зал. Бесконечный зал с земляным полом и стенами, сложенными из костей. Черепа образовывали сводчатый потолок, их пустые глазницы смотрели вниз. В центре зала, на грубом каменном постаменте, сидела фигура.

Это была женщина. Её тело было слеплено из глины, тёмной и влажной, будто только что вынутой из речного дна. Глина была покрыта сетью тонких трещин, и сквозь них сочился тусклый, желтоватый свет. Вместо волос на её голове росли тонкие, белые корни, спускавшиеся до плеч. Но самое ужасное было её лицо. Вернее, его отсутствие. На месте лица был лишь гладкий, безглазый, безротый овал.

И из этого овала лился Шёпот. Тот самый хор голосов, что вёл Рина сюда. Он исходил прямо из глины, из трещин на её теле, из-под корней-волос.

Рин понял. Это не просто кайдан. Это место силы. Узел, где сплетались страдания многих. Глиняная женщина была сосудом, рупором, через который говорили все те, чьи кости стали стенами этого зала.

Он стоял на пороге, и Шёпот обрушился на него с новой силой. Теперь он различал слова.

— ...он ушёл и не вернулся...

— ...они смеялись надо мной...

— ...я упал и не смог встать...

— ...голод, так голодно...

— ...никто не услышал мой крик...

Каждая фраза была крючком, который цеплялся за его душу и тянул к себе, пытаясь вытащить наружу его собственные, самые потаённые страхи. Он чувствовал, как его разум начинает раскалываться под напором этого хора.

И тогда он вспомнил. Вспомнил то, что пытался забыть. Не чужое, а своё.

#

Ему было семь лет. Дождь. Он прятался в чулане, прижавшись к старому сундуку. Снаружи доносились крики. Голос отца, пьяный и яростный. Голос матери, плачущий и умоляющий. Потом — удар. Глухой, тяжёлый. И тишина.

Он сидел, затаив дыхание, боясь пошевелиться. Он слышал, как отец ходит по комнате, что-то бормочет. Потом шаги приблизились к чулану. Рука взялась за ручку с другой стороны. Дверь дрогнула.

Он не помнил, что было дальше. Эта память была похоронена глубоко, завалена обломками лет. Но теперь Глиняная Женщина вытащила её на свет. Шёпот подхватил этот страх, этот ужас ребёнка, и раздул его, превратил в огонь, пылавший в его груди.

— Ты боялся, — прошептели голоса, сливаясь в один. — Ты спрятался. Ты оставил её одну. Ты мог что-то сделать. Кричать. Позвать на помощь. Но ты не сделал ничего. Ты просто сидел и дрожал.

Рин застонал, схватившись за голову. Это было правдой. Он был трусом. Он бросил свою мать. Он позволил страху парализовать себя.

— И она умерла, — настойчиво продолжал Шёпот. — Через неделю. От ран и горя. А ты выжил. Ты всегда выживаешь, пока другие гибнут. Дзэнтаро. Твоя мать. Сколько ещё?

Вина, которую он носил в себе, вина за Дзэнтаро, оказалась лишь верхним слоем. Под ней скрывалась старая, прогнившая рана — вина за мать. Вина, которую он не осознавал, но которая определяла всю его жизнь. Его желание стать очистителем, его стремление защищать — всё это была попытка искупить этот детский грех.

Шёпот разрывал его на части. Голоса звучали уже не снаружи, а изнутри. Они были его собственными мыслями, доведёнными до крайности, обнажёнными и беспощадными.

Он упал на колени. Земляной пол был холодным и влажным.

— Что ты хочешь? — выдохнул он, обращаясь к Глиняной Женщине.

Шёпот стих. Воцарилась звенящая тишина, более страшная, чем гамм голосов. Потом из гладкого овала лица женщины прозвучал один-единственный голос. Голос ребёнка. Его собственный голос, каким он был тогда, в чулане.

— Признай нас, — прошептал ребёнок. — Мы — твоя правда. Мы — твой страх. Мы — твоя вина. Мы — те, кого ты бросил. Прими нас в себя. Стань нами.

Правило четвёртое: коснись крови кайдана. Прими его память.

Но здесь не было крови. Была только глина и шёпот.

Рин поднялся. Его тело дрожало, но в глазах появилась решимость. Он понял. Чтобы пройти, он должен принять не чужую боль, а свою собственную. Ту, что он так тщательно хоронил всю жизнь.

Он подошёл к Глиняной Женщине. Она не двигалась, лишь свет из трещин пульсировал в такт его сердцу. Он протянул руку и коснулся её груди, там, где должно быть сердце.

Глина была тёплой и живой.

И мир рухнул.

#

Его не затопили видения чужих жизней. Его затопила его собственная жизнь. Но не та, что он помнил, а та, что была похоронена в глубинах его памяти.

Он снова был тем семилетним мальчиком в чулане. Он чувствовал запах пыли и старого дерева. Слышал крики за дверью. Чувствовал холодный пот на спине и дрожь в коленях. Он видел, как ручка двери поворачивается, слышал скрип петли. Дверь приоткрылась, и в щели показался глаз отца, налитый кровью. Потом дверь захлопнулась, и шаги удалились.

А потом — тишина. Долгая, давящая тишина. И осознание. Осознание того, что он ничего не сделал. Что он трусил. Что он бросил мать на произвол судьбы.

Он видел последующие дни. Мать, лежащую в постели с перевязанной головой, её потухший взгляд. Её шёпот: «Всё хорошо, Рин. Не бойся». И его собственную беспомощность. Он не мог ничего сделать. Не мог её исцелить. Не мог защитить.

Он видел день её смерти. Тихий, солнечный день. Он сидел у её кровати и держал её руку. Рука была холодной. Он видел, как жизнь уходит из её глаз. И снова — чувство вины. Острое, как нож. Если бы он был смелее, если бы он вмешался, всё могло бы быть иначе.

Воспоминания сменяли друг друга, как в карусели. Каждый его провал, каждая неудача, каждый момент слабости — всё это выплывало на поверхность, раздутое и искажённое Шёпотом. Он видел себя подростком, проигравшим поединок на тренировке. Себя юношей, не сумевшим защитить товарища от насмешек. Себя взрослым, дрожащим от страха перед ритуалом.

Всё это было правдой. Он был трусом. Он был слабым. Он был виноват.

Но в самый разгар этого кошмара, когда его разум был готов рассыпаться в прах, он вспомнил другое. Вспомнил слова Дзэнтаро, сказанные ему много лет назад.

«Страх, Рин, — это не слабость. Это инстинкт. Слабость — это позволить страху управлять тобой. Сила — это признать его и всё равно сделать то, что должно».

И он понял. Глиняная Женщина не хотела его сломать. Она хотела, чтобы он принял себя. Всего себя. И слабого, и сильного. И труса, и того, кто всё равно шёл вперёд, несмотря на свой страх.

Он открыл глаза. Он всё ещё стоял перед Глиняной Женщиной, его рука всё ещё лежала на её груди. Шёпот стих. Голоса умолкли.

— Я боюсь, — сказал Рин, и его голос был твёрдым. — Я всегда боялся. И я виню себя за многое. Но я не позволю этому остановить меня.

Глиняная Женщина медленно склонила голову. Трещины на её теле сомкнулись, и свет угас. Её фигура начала оседать, превращаясь в бесформенную грудку глины. Корни-волосы засохли и осыпались.

Зал из костей начал растворяться. Черепа на потолке рассыпались в пыль, стены рушились. Рин стоял посреди этого разрушения, и в его душе впервые за долгое время наступил покой. Не потому, что боль ушла, а потому, что он перестал с ней бороться. Он принял её как часть себя.

Когда зал исчез, он снова оказался на Мосту. Туман рассеялся. Шёпот умолк.

Но что-то изменилось. Узоры на его руках теперь поднимались до плеч. И они были не просто чёрными. В них появились оттенки — тёмно-красные, как запёкшаяся кровь, и серо-голубые, как холодная глина. Они жили своей жизнью, иногда сжимаясь, иногда расширяясь, и он чувствовал их не как нечто чужеродное, а как часть своей кожи, свою новую, уродливую броню.

Он сделал шаг вперёд. Путь был чист. Но он знал, что это ненадолго. Мост готовил ему новые испытания. И он был готов их принять.

Он шёл, и его мысли были ясны. Он не был героем. Он не был спасителем. Он был просто человеком, который нёс свой груз. И этого было достаточно.

Синий свет впереди мерцал, как всегда. Но теперь Рин смотрел на него не с надеждой и не со страхом, а с холодным, почти безразличным любопытством. Что он найдёт в конце? Освобождение? Смерть? Или нечто совершенно иное?

Он не знал. И это его больше не пугало.

#

После зала Глиняной Женщины Мост снова изменился. Он стал уже, тела, его составляющие, спрессовались в плотную, почти однородную массу. Стены по бокам сомкнулись, образовав туннель. Стены эти были живыми — они дышали, и с их поверхности сочилась липкая, прозрачная слизь, пахнувшая рыбой и разложением.

Свет здесь был тусклым, исходящим от самих стен — фосфоресцирующее зеленоватое свечение, отбрасывающее длинные, пляшущие тени. Воздух был спёртым, тяжёлым для дыхания.

Рин шёл по этому туннелю, и ему казалось, что он находится внутри гигантского кишечника какого-то чудовищного существа. Мысли его были спокойны, но тело напряжено. Он чувствовал, что приближается к чему-то важному. К очередной ступени.

Вскоре туннель привёл его в круглую пещеру. Свод пещеры был высоким, теряющимся в темноте. В центре стоял водоём — небольшое, круглое озерцо с абсолютно чёрной, неподвижной водой. От воды исходил холод, пробирающий до костей.

На берегу этого озера сидел кайдан.

Это был старик. Его кожа была серой и сухой, как пергамент, и плотно обтягивала кости. Он был абсолютно лысым, а его глаза — молочно-белыми, без зрачков. Он сидел, поджав ноги, и смотрел в чёрную воду. В руках он держал длинный шест, на конце которого висела верёвка с крюком. Крюк был погружён в воду.

Рин остановился на пороге пещеры. Старик не обратил на него никакого внимания. Он просто сидел и смотрел в воду.

— Что ты ловишь? — спросил Рин, нарушая тишину.

Старик медленно повернул к нему своё безжизненное лицо. Его белые глаза казались слепыми, но Рин почувствовал, что тот его видит.

— Тени, — проскрипел старик. Его голос был похож на скрип ржавых ворот. — Я ловлю тени. Свои. Чужие. Все, что уплыли и забылись.

Он снова повернулся к воде. Рин подошёл ближе и заглянул в озеро. Вода была настолько чёрной, что в ней не отражалось ничего — ни свод пещеры, ни он сам, ни старик. Она была похожа на окно в абсолютную пустоту.

— Зачем? — спросил Рин.

— Чтобы помнить, — ответил старик. — Чтобы не потерять. Каждая тень — это часть. Потеряв слишком много, ты перестаёшь быть собой. Становишься пустым местом.

Он дёрнул удочку, и из воды показался крюк. На нём не было ничего. Ни тени, ни рыбы. Просто мокрый, блестящий металл.

— Но они не ловятся, — продолжал старик. — Уплывают всё глубже. И я забываю. Забываю лица. Забываю имена. Забываю, кто я. Остаётся только это. Озеро. Удочка. И пустота внутри.

Рин почувствовал холодный укол страха. Не страха перед стариком, а страха перед тем, что тот описывал. Потерять себя. Стать пустотой. Именно этого он боялся с самого начала. Именно это обещала ему бессмысленность Каменного Существа.

— Ты тоже теряешь их, — сказал старик, не глядя на него. — Я вижу. Ты носишь на себе чужие боли, чужие памяти. Они вытесняют тебя самого. Скоро от тебя ничего не останется. Ты станешь сосудом, наполненным эхом.

Рин посмотрел на свои руки, на узоры, ползущие по коже. Старик был прав. С каждым новым кайданом его собственное «я» становилось всё призрачнее. Воспоминания детства, лицо матери, уроки Дзэнтаро — всё это отдалялось, становилось бледным и неясным. А вот боль Плачущей Вишни, бессмысленность Камня, шёпот Глиняной Женщины — всё это было ярким и осязаемым.

— Как остановить? — спросил он.

Старик покачал головой.

— Нельзя. Река течёт только в одну сторону. Можно лишь попытаться удержать что-то. Хоть что-то. — Он снова закинул удочку в воду. — Но рано или поздно всё уплывает.

Рин подошёл к самой кромке воды. Чёрная гладь была неподвижна, как зеркало из обсидиана. Он смотрел в неё, пытаясь разглядеть своё отражение, но видел лишь тьму.

Правило второе: избегай стоячих вод.

Но он не испытывал желания увидеть своё отражение. Он боялся, что увидит там не себя, а кого-то другого. Или никого.

— Что будет, если я посмотрю? — спросил он.

— Узнаешь, что ты уже потерял, — ответил старик. — И что тебе ещё предстоит потерять.

Рин замер. Он стоял на краю, и его охватывало странное чувство. Не страха, а любопытства. Что он увидит? Своего отца? Мать? Дзэнтаро? Или просто пустоту?

Он сделал шаг назад.

— Нет, — сказал он. — Я не хочу знать.

Старик ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел в воду.

Рин понял, что это и есть испытание. Не в том, чтобы заглянуть в воду, а в том, чтобы противиться этому искушению. Принять, что что-то потеряно навсегда, и продолжать идти, не зная, что ждёт впереди.

Он развернулся и пошёл к выходу из пещеры.

— Они всё равно найдут тебя, — прозвучал у него за спиной голос старика. — Тени. Рано или поздно.

Рин не обернулся. Он вышел из пещеры и снова оказался в туннеле. Холод от озера остался с ним, поселившись глубоко внутри, как предчувствие неизбежного.

Он шёл, и теперь он думал не о том, что приобрёл, а о том, что потерял. И о том, что ему ещё предстояло потерять.

А Синий Свет впереди мерцал, холодный и безразличный, как всегда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: ПЛОТЬ, КОТОРАЯ ПОМНИТ

#

Туннель сужался. Слизистые стены пульсировали всё ближе, их зелёное свечение мерцало, как аритмичное сердце. Воздух стал густым и влажным, каждый вдох обжигал лёгкие сладковатым запахом разложения и миндаля. Рин шёл, почти касаясь плечами стен, и чувствовал, как его ноги вязнут в упругой, живой плоти пола. Каждый шаг отзывался глухим чавкающим звуком.

Он нёс с собой холод Озера Теней. Он был внутри него, как осколок льда в груди. Пустота, о которой говорил старик, не казалась теперь такой уж страшной. Она была почти успокаивающей. Конца не было. Было только движение. И Синий Свет.

Узоры на его коже вели себя беспокойно. Они сжимались и расползались, словно реагируя на окружающую среду. Теперь они покрывали не только руки, но и плечи, и начали наползать на грудь и спину. Они были уже не просто чёрными. В них появились новые оттенки: болотный зелёный от стен туннеля, мерцающий синий — отзвук далёкого Ао-Андона, и гнилой жёлтый — цвет страха, который он чувствовал здесь, в самой плоти Моста.

Он шёл, и его собственное тело начало меняться. Не только кожа. Кости. Они стали гибче, словно хрящи. Суставы поворачивались с тихим, влажным хрустом. Он чувствовал, как его скелет медленно перестраивается, приспособливаясь к неестественным изгибам туннеля. Это не было больно. Это было странно. Как будто он вспоминал, как должно быть устроено его тело, и это знание приходило извне, от самого Моста.

Правило шестое: твоя плоть — глина. Изменения — благословение.

Он больше не сопротивлялся. Он наблюдал. С холодным, почти клиническим интересом. Его рука, покрытая узорами, иногда самопроизвольно сжималась в кулак, и он чувствовал, как мышцы двигаются по-новому, с большей силой, с чужой ловкостью.

Туннель внезапно закончился. Он вывел Рина в огромное пространство, которое было одновременно пещерой и мастерской.

Своды терялись в высоте, и с них свисали бледные, похожие на корни щупальца, пульсирующие слабым светом. В центре зала стояли странные сооружения — не то станки, не то скульптуры, сделанные из костей, жил и застывшей слизи. Повсюду лежали груды бесформенной плоти, костей, органов. Воздух был наполнен звуками — скрипом, хлопанием, тихими стонами и настойчивым, ритмичным шуршанием.

И был запах. Резкий, химический, смешанный с запахом крови и озона.

Посреди этого хаоса работал кайдан.

#

Его было трудно разглядеть. Он постоянно двигался, перетекал от одной груды к другой, его форма была непостоянной. Иногда он напоминал высокого тощего человека с неестественно длинными руками. Иногда он приседал, и его тело расплывалось, становясь похожим на огромного паука с множеством конечностей. Иногда он и вовсе сливался с окружающей плотью, и лишь его движение выдавало его присутствие.

Его кожа, если это можно было назвать кожей, была серой и блестящей, как мокрая глина. Она постоянно меняла текстуру — то становилась гладкой, то покрывалась чешуйками, то испещрялась трещинами. На его лице не было черт, только впадины и выступы, которые смешались и перестраивались, словно лицо лепили заново с каждой секундой.

Он был Скульптором.

Рин замер у входа, наблюдая. Скульптор работал над чем-то, что лежало на костяном столе. Это было бесформенное тело, похожее на человеческое, но лишённое чётких контуров. Скульптор водил по нему своими длинными, гибкими пальцами, и под его прикосновением плоть текла, как жидкость. Кости ломались и срастались заново с тихим хрустом. Мышцы переплетались в новые узлы. Иногда Скульптор отрывал кусок от одной из куч и вживлял его в тело на столе. Иногда, наоборот, отщипывал кусок и бросал в общую кучу.

Тело на столе постоянно менялось. То у него отрастали дополнительные конечности, то они втягивались обратно. То появлялся второй рот на груди, то он зарастал. Это был бесконечный, бессмысленный процесс переделки.

Скульптор не обращал на Рина никакого внимания. Он был поглощён своей работой.

Рин сделал шаг вперёд. Его нога ступила на пол, который был покрыт слоем скользкой, студенистой массы. Звук привлёк внимание Скульптора.

Тот остановился и повернул к Рину своё безликое лицо. Впадины, где должны быть глаза, казались бездонными.

— Новый материал, — проскрипел он. Его голос был похож на скрежет камня по стеклу. — Свежий. Гибкий. Полный... потенциала.

Рин почувствовал, как узоры на его коже зашевелились, словно испугавшись. Его собственная плоть отзывалась на слова Скульптора дрожью.

— Что ты делаешь? — спросил Рин.

— Совершенствую, — ответил Скульптор. — Ищу Идеальную Форму. Но она ускользает. Всё не то. Всё не так. — Он жестом указал на тело на столе. — Слишком хрупкое. Слишком статичное. Оно не может адаптироваться. Не может течь.

Он отступил от стола, и тело на нём начало медленно расплываться, превращаясь в бесформенную массу.

— А ты... — Скульптор подошёл ближе к Рину. Его длинные пальцы сцепились в спокойном движении. — Ты уже меняешься. Чувствую. Ты принял боль. Принял страх. Принял пустоту. Но твоя плоть... она всё ещё сопротивляется. Она цепляется за старую форму. За иллюзию постоянства.

Рин стоял неподвижно. Он чувствовал на себе взгляд без глаз, ощупывающий каждый дюйм его кожи.

— Я не отдам тебе своё тело, — сказал он.

Скульптор издал звук, похожий на сухой смех.

— Ты уже отдал. Ты отдаёшь его с каждым шагом. Этот Мост лепит тебя заново. Я лишь... ускоряю процесс. Показываю тебе, что возможно.

Он внезапно протянул руку и дотронулся до предплечья Рина. Его прикосновение было холодным и влажным.

И Рин почувствовал, как его плоть под пальцами Скульптора ожила. Она потекла. Кости сжались, мышцы перестроились. На его руке, прямо над запястьем, кожа набухла и раскрылась, как бутон. Из разреза показалось что-то блестящее и влажное. Глаз. Совершенно человеческий глаз, с синей радужкой и чёрным зрачком. Он смотрел на Рина с немим ужасом.

Рин отшатнулся, с ужасом глядя на новый орган. Глаз моргнул. Он чувствовал это моргание — странное, щекочущее ощущение под кожей.

— Видишь? — прокрипел Скульптор. — Это не больно. Это... естественно. Твоё тело помнит тысячи форм. Оно хочет меняться. Ты должен просто позволить ему.

Правило шестое: плоть — глина. Спротивляться — кощунство.

Рин сжал зубы. Он хотел вырвать этот глаз, отрезать его, но знал, что это будет нарушением. И что это бесполезно. Плоть будет меняться, нравится ему то или нет.

— Что ты хочешь? — спросил он, глядя на Скульптора.

— Хочу, чтобы ты понял, — сказал кайдан. — Понял, что твоя нынешняя форма — всего лишь временная оболочка. Хрупкая и несовершенная. Чтобы ты перестал цепляться за неё. Позволь мне показать тебе твой истинный потенциал.

Скульптор сделал шаг назад и широким жестом указал на груды плоти вокруг.

— Всё это — бывшие путники. Те, кто пытался сохранить себя. Они боролись. И проиграли. Их плоть стала сырьём. Ты же... ты можешь стать чем-то большим. Произведением искусства.

Искушение было странным и извращённым. Избавиться от этой хрупкой человеческой оболочки. Стать сильнее. Выносливее. Приспособиться к этому миру раз и навсегда. Перестать быть жертвой и стать... частью пейзажа.

Рин посмотрел на глаз на своей руке. Тот смотрел на него, и в его взгляде был немой вопрос. *Что мы будем делать?*

— Нет, — тихо сказал Рин. — Я не откажусь от себя.

— Ты уже не тот, кем был, — возразил Скульптор. — Ты носишь в себе десятки чужих жизней. Твоя душа — лоскутное одеяло. Почему ты цепляешься за эту старую плоть? Она — последняя иллюзия.

— Это моя иллюзия, — сказал Рин. — И я буду держаться за неё, пока могу.

Скульптор замер. Его безлика маска казалась разочарованной.

— Очень жаль. Тогда процесс займёт больше времени. И будет... болезненнее.

Он повернулся и снова подошёл к своему столу, словно потеряв к Рину интерес.

Рин понимал, что это не конец испытания. Это была его часть. Он должен был пройти через эту мастерскую, не поддавшись искушению, не позволив Скульптору переделать себя. Но и не сопротивляясь изменениям, которые уже происходили.

Он посмотрел на глаз на руке. Тот смотрел на него. И Рин понял, что должен принять и это. Это было его плотью теперь. Его новой реальностью.

Он сделал шаг вперёд, направляясь к выходу из зала.

#

Проход через мастерскую был пыткой. С каждой секундой его тело менялось без всякого участия Скульптора. Казалось, сама атмосфера этого места проникала в него и перестраивала изнутри.

Кожа на спине загубела и покрылась мелкими, костяными пластинками. Пальцы на ногах срослись, образовав нечто вроде ласт. Второй глаз на руке не исчез, а, наоборот, стал более выразительным. Теперь Рин видел одновременно два изображения — одно перед собой, а второе — сбоку, под странным углом. Это вызывало головокружение и тошноту.

Но самое страшное происходило внутри. Он чувствовал, как его органы смещаются, меняют форму. Сердце билось неровно, иногда замирая на несколько секунд. Лёгкие сжимались, заставляя его хватать воздух короткими, прерывистыми вздохами.

И голоса... голоса в его голове, которые он принёс с собой, отозвались на эти изменения. Они стали громче, настойчивее. Они спорили друг с другом, требовали контроля над его телом.

«Позволь мне взять правую руку», — шептала боль Плачущей Вишни. «Я знаю, как заставит её двигаться изящно».

«Нет, я!» — кричал страх из чулана. «Я сделаю её сильной! Я смогу защитить!»

«Бессмысленно», — монотонно твердил голос Каменного Существа. «Всё равно всё распадётся».

Рин шёл, стиснув зубы, пытаясь сохранить хоть крупицу своего «я» в этом хаосе. Он повторял своё имя. Вспоминал лицо матери. Запах дождя в Амэ-но-куни. Всё, что ещё связывало его с человечностью.

Скульптор наблюдал за ним со своего стола. Безликая маска была повернута в его сторону.

— Борьба бесполезна, — донёсся его скрипучий голос. — Чем сильнее ты сопротивляешься, тем больше ломаешь себя. Прими поток. Стань потоком.

Рин не отвечал. Он сосредоточился на движении. Один шаг. Другой. Его ноги, частично перепончатые, с трудом отлипали от пола. Он чувствовал, как кости в них гнутся, приспосабливаясь к новой походке.

Он прошёл уже больше половины зала, когда его левая рука вдруг самостоятельно дёрнулась и схватила кусок плоти с ближайшей кучи. Рука поднесла его ко рту.

— Нет! — крикнул Рин, пытаясь отбросить отвратительный кусок.

Но его рука не слушалась. Она была под контролем кого-то другого. Какого-то древнего инстинкта голода, который он принёс с собой от одного из кайданов.

«Съешь», — настойчиво шептали голоса. «Стань сильнее. Стань одним из нас».

Он с силой ударил левой рукой о костяной станок. Боль пронзила его, но контроль вернулся. Кусок плоти упал на пол. Его рука онемела.

— Интересно, — прокомментировал Скульптор. — Конфликт. Но он скоро разрешится. Одна воля должна победить. Или... слиться.

Рин дошёл до выхода из зала. Это была ещё одна арка, ведущая в тёмный туннель. Он остановился на пороге, переводя дыхание. Его тело было чужим. Он смотрел на него и не узнавал. Рука с глазом, спина с броней, ноги-ласты. Он становился монстром.

Он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на мастерскую Скульптора.

Тот стоял у своего стола и лепил что-то из глины. Но теперь Рин разглядел, что это была не глина. Это была плоть. Его собственная плоть. Точная копия его тела, какой она была до входа в этот зал. Человеческая. Хрупкая.

Скульптор работал быстро, уверенно. И под его пальцами плотяно-глиняная фигура начала меняться. На ней появились такие же узоры, как у Рина. На руке — глаз. Спина покрылась пластинками. Ноги срослись.

Скульптор закончил и отступил на шаг, любуясь своей работой. Затем он взял фигурку и швырнул её в одну из куч сырья. Она утонула в массе плоти без следа.

— Прощай, старое, — прокричал Скульптор. — Здравствуй, новое.

Рин понял. Он только что был свидетелем символического уничтожения своего прошлого «я». Того, каким он был. Его больше не существовало.

Он развернулся и шагнул в туннель. Тёмный, влажный, ведущий в неизвестность.

Он был новым. Уродливым. Изменённым. Но он всё ещё шёл.

#

Туннель за мастерской Скульптора был другим. Он был сухим и прохладным. Стены были сложены из спрессованных костей, но они не пульсировали и не светились. Здесь было тихо. Только звук его шагов — уже не чавкающих, а глухих, отдающихся эхом в костяных стенах.

Его тело постепенно успокаивалось. Мутации не исчезли, но перестали быть такими агрессивными. Глаз на руке смотрел вперёд, и Рин начал привыкать к двойному зрению. Он даже обнаружил, что может немного управлять этим глазом — поворачивать его, моргать. Это было ужасно, но... функционально.

Ноги по-прежнему были перепончатыми, но теперь он научился ходить, не спотыкаясь. Костяные пластинки на спине стали твёрже, образовав подобие панциря.

Он был гибридом. Человека и чего-то ещё. Продуктом Моста.

Он шёл, и его мысли были пусты. Не было ни страха, ни отчаяния, ни надежды. Было только принятие. Он принял свои мутации так же, как принял боль и пустоту. Они стали частью его, как когда-то были частью его руки и ноги.

Синий Свет впереди казался ближе. Или это была иллюзия? Он не знал. И его это не волновало.

Вдруг туннель расширился, и он вышел на узкий уступ. Слева от него зияла пропасть. Не чёрная пустота, как раньше, а нечто иное. Внизу, в глубине, клубился туман, и в нём плавали огни. Не синие, а разные — красные, зелёные, жёлтые. Они мерцали, как города, увиденные с большой высоты. Иногда доносились отдалённые звуки — не стоны, а скорее... голоса. Крик. Смех. Плач. Всё смешанное вместе.

Рин стоял на краю и смотрел вниз. Что это было? Другие уровни Рэйкай? Или что-то ещё?

Его размышления прервал голос. Тихий, детский.

— Ты тоже смотришь?

Рин обернулся. На уступе, в тени костяной колонны, сидел ребёнок. Мальчик. На вид лет семи. Он был одет в лохмотья, а его лицо было бледным и испуганным. Но самое странное — он казался... целым. Не искажённым, не мутировавшим. Человеческим.

— Кто ты? — спросил Рин, его голос прозвучал хрипло от долгого молчания.

— Я заблудился, — сказал мальчик. — Я не могу найти дорогу домой.

Рин почувствовал что-то странное. Узоры на его коже не шевелились. Голоса в голове притихли. Даже глаз на руке смотрел на мальчика без всякого интереса.

Правило седьмое: имя — тень. Не откликайся.

Но мальчик не спрашивал его имени.

— Где твой дом? — спросил Рин.

— Там, — мальчик указал пальцем в пропасть, в сторону мерцающих огней. — Внизу. Но я боюсь прыгать. Высоко.

Рин посмотрел в пропасть. Глубина была пугающей. Но огни внизу действительно выглядели... почти приветливо. По сравнению с мраком Моста.

— Ты не отсюда, — сказал Рин. — Ты не кайдан.

Мальчик покачал головой.

— Я упал. Как и ты. Но я не такой сильный. Я не могу идти по этому Мосту. Он... меняет.

Рин посмотрел на свои руки, на глаз, на перепонки. Да. Мост менял.

— Мне страшно, — прошептал мальчик. — Я хочу к маме.

И в этот момент Рин увидел его глаза. В них не было пустоты кайданов. В них был настоящий, детский страх. И надежда.

Что-то в груди Рина дрогнуло. Что-то человеческое, что он считал уже мёртвым.

— Я могу... помочь тебе, — медленно сказал он.

Мальчик посмотрел на него с облегчением.

— Правда? Ты проводишь меня?

Рин сделал шаг к мальчику. И в этот момент его собственная, изменённая нога наступила на что-то острое. Это был обломок кости. Боль, острая и реальная, пронзила его.

И иллюзия рухнула.

Он снова посмотрел на мальчика. И увидел. Его кожа была не бледной, а серой. Глаза не были полны страха — они были пусты, как у всех кайданов. А из-под лохмотьев виднелись кости, сросшиеся с каменным уступом. Мальчик был частью Моста. Ловушкой.

— Ты... не настоящий, — прошептал Рин.

Улыбка на лице мальчика исказилась, стала неестественно широкой.

— Но разве ты не хотел помочь? — просипел он. — Разве ты не хотел снова почувствовать себя человеком? Спасти кого-то? Я дал тебе эту возможность. А ты... отказался.

Мальчик начал меняться. Его тело вытягивалось, кожа лопалась, обнажая кости. Его лицо стало безликой маской.

— Никто не поможет, — прозвучал голос, уже не детский, а старый и злой. — Никто никого не спасёт. Здесь каждый идёт к своему концу в одиночку.

Кайдан растворился в тени, став частью стены.

Рин стоял один на уступе. Боль в ноге была реальной. И осознание было горьким. Он чуть не поддался. Чуть не поверил в иллюзию. Его человечность, которую он так старался сохранить, стала его слабостью.

Он посмотрел в пропасть на мерцающие огни. Они всё так же манили. Но теперь он знал — это обман. Единственный путь — вперёд. По Мосту.

Он развернулся и пошёл по уступу, оставляя пропасть позади. Его сердце было тяжёлым. Он потерял последнюю надежду на что-то хорошее в этом месте.

Но он не остановился. Он не мог.

Он был уже не человеком, но ещё и не кайданом. Он был чем-то промежуточным. И это что-то продолжало идти.

А Синий Свет впереди ждал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ: ЗЕРКАЛО ИЗ ПЕПЛА И СОЖАЛЕНИЙ

#

Уступ привёл его обратно в тело Моста, но это был уже не тот Мост. Плоть, из которой он был сложен, стала плотнее, темнее. Она напоминала застывшую лаву, испещрённую трещинами, из которых сочился тусклый, багровый свет. Воздух был густым и тяжёлым, пахнувшим озоном и пеплом. Дышать стало труднее, каждый вдох обжигал лёгкие.

Мутации Рина стабилизировались, став его новой нормой. Глаз на руке смотрел ясно, и он научился игнорировать двойное зрение, его мозг адаптировался, фильтруя лишнюю информацию. Костяные пластинки на спине сомкнулись, образовав прочный панцирь, защищавший позвоночник. Ноги, с перепонками между пальцев, уверенно цеплялись за неровную поверхность Моста. Он был существом этого места, и это знание принесло с собой странное, извращённое спокойствие.

Он шёл, и его разум был пуст, как выжженная пустыня. Мысли приходили медленно, лениво, как подводные течения. Он больше не вспоминал Амэ-но-куни. Воспоминания о матери, о Дзэнтаро, о своей прошлой жизни стали бледными, как выцветшие чернила на старом свитке. Они не вызывали ни боли, ни тоски. Они были просто фактами. Как данные в архиве.

Синий Свет был теперь значительно ближе. Он уже не был точкой на горизонте. Он был огромным, сияющим шаром, висящим в пустоте, и от него исходило почти физическое давление. Свет не был тёплым. Он был холодным, как ледник, и безмолвным, как могила. Но он был целью. Единственной точкой отсчёта в этом бесконечном путешествии.

Рин шёл к нему, не испытывая ни надежды, ни страха. Просто потому, что другого направления не существовало.

Мост начал сужаться, образуя нечто вроде коридора. Стены здесь были не из плоти, а из чего-то твёрдого и гладкого, как отполированное стекло. Но это было не стекло. Это был лёд. Чёрный лёд, поглощающий свет. Его собственная искажённая фигура отражалась в этих стенах, расплывчатая и уродливая.

Он шёл по этому ледяному коридору, и с каждым шагом отражения в стенах менялись. Сначала они просто искажались, становясь всё более чудовищными. Потом они начали отставать, задерживаясь на секунду, прежде чем повторить его движение. А потом... потом они начали жить своей собственной жизнью.

Одно из отражений внезапно остановилось и повернулось к нему. Оно было точной копией Рина — таким, каким он был до падения. Молодым, с чистой кожей, без глаз на руках и костяных пластин на спине. Оно смотрело на него из стены, и в его глазах был немой укор.

Рин замедлил шаг, наблюдая. Это был не кайдан в привычном понимании. Это было его собственное прошлое, заключённое в лёд.

— Ты мог бы остаться, — прошептало отражение. Его голос был эхом, доносящимся из-за толщи льда. — Ты мог бы бежать. Когда начался ритуал. Когда Дзэнтаро кричал. Ты мог бы отвернуться и бежать. И выжить.

Рин не ответил. Он просто смотрел на своё бывшее «я».

— Но ты не побежал, — продолжало отражение. — Ты остался. Из гордости? Из долга? Из глупого, детского упрямства? И посмотри, во что ты превратился. Монстр. Носитель чужих кошмаров. Урод.

Слова не причиняли боли. Они были констатацией факта. Да, он был уродом. Да, он был носителем чужих кошмаров. Такова была цена.

— Ты думаешь, что идёшь к спасению? — отражение улыбнулось, и улыбка была полной жалости. — Ты идёшь к тому, кто тебя сожрёт. Ао-Андон не даст тебе свободы. Он просто использует тебя, как использовал тысячи других. Ты — строительный материал. Расходный ресурс.

Рин знал это. Он понял это ещё у Озера Теней. Спасения не было. Был только путь.

— Я иду, — просто сказал он.

Отражение покачало головой.

— Напрасно. Всё напрасно.

Оно повернулось и растворилось во тьме льда.

Рин пошёл дальше. Но теперь другие отражения в стенах оживали. Они показывали ему другие возможности. Другие жизни, которые он мог бы прожить.

Вот он — ремесленник. Он сидит в тёплой мастерской, строгает дерево, и с его лица не сходит улыбка. Рядом с ним женщина, дети.

Вот он — торговец. Он стоит за прилавком на оживлённой улице Амэ-но-куни, торгуется с клиентами, его глаза блестят от азарта.

Вот он — простой крестьянин. Он работает в поле, чувствует под ногами твёрдую землю, а не плоть Моста, вдыхает запах свежей травы, а не скверны.

Каждое отражение было идеализированной версией жизни, которой у него не было. Каждое было укором. Напоминанием о том, что он потерял навсегда.

Он шёл, и ледяной коридор, казалось, не кончался. Отражения множились, становясь всё более навязчивыми. Они звали его, манили, предлагали вернуться в тот момент, когда всё пошло не так, и сделать другой выбор.

Но Рин знал — это ловушка. Заглядывать в эти зеркала — значит рискнуть навсегда застрять в мире «а что если». А реальность была здесь. На этом Мосту. В его изуродованном теле. В холодном сиянии Ао-Андона.

Он шёл, не глядя по сторонам. Упершись взглядом в конец коридора, где виднелся проход, освещённый багровым светом.

Он прошёл испытание сожалением. Не поддавшись ему.
Но самое трудное было впереди.

#

Коридор привёл его в круглую залу. Стены здесь были из того же чёрного льда, но в центре, на возвышении, стояло огромное зеркало. Оно было сделано не из стекла, а из чистой тьмы, обрамлённой костями. В нём не отражалось ничего — ни зала, ни самого Рина. Оно было порталом в ничто.

Перед зеркалом, спиной к Рину, стояла фигура. Она была одета в робу очистителя, такие же, какие носил Рин до падения. Фигура была того же роста, того же телосложения.

Когда Рин вошёл, фигура медленно повернулась.

И он увидел себя. Но не того, что был в ледяных стенах. А себя нынешнего. Того же уродливого гибрида, с глазами на руках, с панцирем на спине, с перепончатыми ногами. Но в глазах этого двойника горел огонь. Огонь ненависти, отчаяния и... надежды.

— Ты пришёл, — сказал двойник. Его голос был точной копией голоса Рина, но в нём слышалась дрожь сдерживаемых эмоций. — Я ждал тебя.

Рин молча смотрел на него. Узоры на его коже зашевелились, почуяв опасность.

— Ты знаешь, кто я? — спросил двойник.

— Нет, — ответил Рин.

— Я — твоя возможность. Твой шанс. Тот, кто не смирился. — Двойник сделал шаг вперёд. — Смотри. — Он указал на зеркало из тьмы.

И зеркало ожило. В нём возникло изображение. Ао-Андон. Его синий свет был таким ярким, что больно было смотреть. Но двойник смотрел, не отводя глаз.

— Он использует нас, — прошептал двойник. — Он заставляет нас страдать, чтобы построить свой Мост. Но он уязвим. Его сила — в его свете. А что, если погасить этот свет?

В зеркале изображение изменилось. Теперь оно показывало их двоих, стоящих перед Ао-Андоном. Двойник бросался вперёд, его тело, такое же уродливое, как у Рина, становилось оружием. Он вонзал свои когти в бумажный фонарь, рвал его, гасил синее пламя. И свет гас. И тьма поглощала всё.

— Мы можем сделать это, — страстно сказал двойник, поворачиваясь к Рину. — Вместе. Мы — две половинки одного целого. Ты принял страдания. Ты стал сильным. А я сохранил волю. Я не сломался. Вместе мы можем уничтожить его. Мы можем освободить себя. И всех остальных.

Рин смотрел на двойника. Искушение было огромным. Мечь. Возможность нанести удар тому, кто обрёк его на эти муки. Возможность хоть чего-то добиться в этом бессмысленном путешествии.

— Почему ты не сделал этого один? — спросил Рин.

— Потому что я — лишь половина, — ответил двойник. — Я — твоя воля к сопротивлению. Но без твоей силы, без твоей выносливости, я ничего не значу. А ты... ты — пустая оболочка без меня. Ты просто идёшь, как сомнамбула. Но вместе... вместе мы можем всё.

Он протянул руку. Руку, такую же, как у Рина, с таким же глазом на запястье.

— Присоединяйся ко мне. Давай сокрушим нашего тюремщика. Давай покончим с этим.

Рин посмотрел на протянутую руку. Он посмотрел на зеркало, где они вдвоём уничтожали Ао-Андона. Он посмотрел на своего двойника, в чьих глазах горел огонь, которого не было в его собственных.

И он вспомнил. Вспомнил правило. *Правило пятое: Синий Свет — единственная Истина. Следуй за ним без колебаний.*

Ао-Андон был его целью. Его единственным ориентиром. Предать его — значит предать сам путь. Значит признать, что всё, что он пережил, всё, чем он стал, не имеет смысла.

Но разве имело?

Он посмотрел на двойника. На его горящие глаза. И впервые за долгое время он почувствовал что-то. Искру. Не надежды, а... гнева. Да, гнева. Гнева на этого демона, который превратил его в монстра. Гнева на этот Мост, на эту вечную боль. Гнева на себя за то, что он смирился.

— Ты чувствуешь это, — прошептал двойник, видя изменения в его лице. — Ты чувствуешь гнев. Это я. Я — твой гнев. Твоё неприятие. Давай воспользуемся этим. Давай сожжём этот ад дотла.

Рин медленно поднял свою руку. Его собственную, покрытую узорами, с глазом, смотрящим на двойника. Он посмотрел на протянутую руку двойника. Они были зеркальным отражением друг друга.

Он сделал шаг вперёд.

#

Его рука была в сантиметре от руки двойника. Он чувствовал исходящее от того тепло, энергию, страсть. Всё, чего ему не хватало.

— Да, — прошептал двойник, его глаза сияли. — Соединимся. Станем единым целым. И будем мстить.

Рин замер. Его пальцы почти касались пальцев двойника. И в этот момент глаз на его руке моргнул. И посмотрел не на двойника, а на зеркало из тьмы.

И в зеркале он увидел не их победу. Он увидел другое.

Он увидел, как они вдвоём подходят к Ао-Андону. Видел, как двойник бросается вперёд, как он рвёт фонарь. И видел, как из разорванной бумаги вырывается не тьма, а... белый свет. Ослепительный, всепоглощающий. И этот свет не приносил освобождения. Он был чистым, безразличным уничтожением. Он стирал их. Стирал Мост. Стирал всё. Не оставляя ничего. Даже пустоты.

Это была не победа. Это было самоубийство. То самое, которого он хотел у Озера Теней, но боялся совершить.

Рин отшатнулся. Его рука упала вдоль тела.

— Нет, — сказал он.

Лицо двойника исказилось от ярости.

— Что? — прошипел он. — Ты отказываешься? После всего? Ты предпочитаешь остаться рабом? Игрушкой этого демона?

— Это не освобождение, — сказал Рин, глядя на зеркало. — Это конец. Полный и абсолютный.

— А разве это не то, чего ты хочешь? — закричал двойник. — Прекратить это? Перестать страдать?

— Да, — признал Рин. — Но я не хочу, чтобы всё прекратилось. Я... я хочу дойти до конца. Я хочу увидеть, что там. Даже если это смерть. Но моя смерть. А не... растворение в ничто.

Двойник смотрел на него с ненавистью.

— Ты трус. Ты смирился. Ты стал его послушной собачкой.

— Возможно, — сказал Рин. — Но это мой выбор.

— Это не выбор! Это капитуляция!

Двойник бросился на него. Его движения были быстрыми, яростными. Он не был иллюзией. Он был реальным, плотью и кровью. Вернее, тем, из чего состоял здесь Рин.

Они схватились. Два уродливых отражения одного целого. Двойник дрался с отчаянием обречённого. Он кусался, царапался, пытался вырвать глаз на руке Рина, сломать костяные пластины.

Рин не сопротивлялся. Он принимал удары. Они были больно, но боль была знаком того, что он ещё жив. Что он ещё способен чувствовать.

— Дерись! — кричал двойник, бьющий его по лицу. — Дерись, чёрт тебя побери!

Но Рин не дрался. Он просто стоял, принимая. Он понимал, что не может победить свою собственную волю к сопротивлению. Он может только принять её. Или... отпустить.

Он посмотрел в глаза двойника. В эти полные ненависти и отчаяния глаза.

— Я прощаю тебя, — тихо сказал Рин.

Двойник застыл, его кулак замер в воздухе.

— Что? — он прошептал.

— Я прощаю тебя за то, что ты не смирился, — сказал Рин. — За то, что ты горел. Но я не могу пойти с тобой. Мой путь — вперёд. К Синему Свету. Каким бы он ни был.

Слёзы потекли из глаз двойника. Но это были не слёзы печали. Это были слёзы ярости.

— Ты... предатель, — выдохнул он.

— Нет, — сказал Рин. — Я просто... иду своим путём.

Он оттолкнул двойника. Тот отлетел к зеркалу из тьмы. Его тело коснулось поверхности, и оно начало поглощать его. Двойник не сопротивлялся. Он смотрел на Рина с ненавистью до последнего.

— Ты пожалеешь... — успел он прошептать, прежде чем тьма поглотила его полностью.

Зеркало содрогнулось и погасло, снова став просто чёрной поверхностью.

Рин стоял один в зале. Его тело болело от ударов. Из пореза на щеке текла кровь. Тёмная, почти чёрная кровь.

Он подошёл к зеркалу и посмотрел в него. Он не видел своего отражения. Он видел только тьму. Но теперь эта тьма была не пугающей. Она была... спокойной.

Он повернулся и пошёл к выходу из зала. Его шаги были твёрдыми. Он принял своё решение. Он принял свой путь. И он принял ту часть себя, что хотела бунтовать, но не позволил ей уничтожить себя.

Он был целым. Уродливым, израненным, но целым.

#

За залой Зеркала его ждал новый участок Моста. Он был похож на гигантский кровеносный сосуд. Стенки пульсировали, перекачивая густую, тёмную жидкость. Воздух был наполнен звуком — глухим, ритмичным гудением, как будто где-то рядом билось огромное сердце.

Синий Свет был теперь так близко, что Рин мог разглядеть детали. Это был не просто шар. Это была структура. Огромный, сложный фонарь, сплетённый из синего пламени и теней. Он висел в пустоте, и от него отходили лучи-щупальца, которые цеплялись за Мост, питаясь его энергией.

Рин шёл по этому живому туннелю, и его тело реагировало на близость Ао-Андона. Узоры на коже светились в унисон с пульсацией стен. Глаз на руке смотрел вперёд с необычайной интенсивностью. Даже костяные пластины на спине вибрировали, издавая тихий, похожий на стрекот звук.

Он почти дошёл. Почти.

И тут Мост заговорил с ним. Не голосами кайданов. А единым голосом. Голосом самого Ао-Андона. Он звучал не в ушах, а в самой его душе. Безмолвный, но ясный.

«Ты приближаешься, семья. Ты прошёл через боль. Через страх. Через пустоту. Через искушение. Ты принял свои мутации. Ты отверг бунт. Ты стал... почти готовым.»

Рин не ответил. Он просто шёл.

«Ты задаёшься вопросом, что ждёт тебя в конце. Я скажу тебе. Не спасение. Не смерть. Не уничтожение. Слияние. Ты станешь частью великого целого. Частью меня. Твоя боль, твои страдания, твоя сущность — всё это станет кирпичиком в стене, которая отделит этот мир от того, что было до него. Ты поможешь мне построить новую реальность. Реальность, где нет места слабости. Где нет места сомнениям. Где есть только сила и порядок.»

Голос был спокоен и безразличен. В нём не было злорадства. Не было ненависти. Была только... констатация.

«Ты не первый. И не последний. Но ты... особенный. В тебе есть стойкость. Ты не сломался. Ты не сошёл с ума. Ты принял. И в этом твоя сила. Такая сила нужна мне. Для финального акта.»

Рин чувствовал, как его разум пронизывает холод. Он всегда знал, что конец будет не счастливым. Но слышать это так прямо... было больно. Больно потому, что это разрушало последнюю иллюзию. Иллюзию смысла.

Его путь не имел смысла. Он был просто процессом. Подготовкой материала.

Он остановился. Стены вокруг него пульсировали быстрее. Жидкость, текущая по ним, стала гуще, темнее.

«Почему?» — спросил он мысленно. *«Зачем тебе это? Зачем строить эту... новую реальность?»*

На мгновение воцарилась тишина. Потом голос ответил, и в нём впервые появился оттенок чего-то, похожего на эмоцию. На скуку.

«Старый мир прогнал. Амэ-но-куни — это труп, который ещё не понял, что мёртв. Рэйкай — это боль, которая не может забыть себя. Всё это — ошибка. Я исправлю её. Я создам нечто... чище. Проще. Без страданий. Без надежды. Без иллюзий. Вечное, неизменное, совершенное.»

Рин понял. Ао-Андон был не просто демоном. Он был... архитектором. Художником, который видел в мироздании брак и хотел его переделать. И для этого ему нужны были кирпичи. Из плоти. Из души. Из страдания.

«Ты почти у цели, семя. Остался последний шаг. Прими свою судьбу. И стань вечным.»

Голос умолк. Давление Синего Света усилилось. Рин почувствовал, как его тело начинает меняться снова. На этот раз — быстрее, радикальнее.

Костяные пластины на спине начали расти, образуя нечто вроде крыльев. Но не пернатых, а кожистых, как у летучей мыши. Глаз на руке закатился, и на его месте открылся рот — маленький, с острыми зубами, который беззвучно шептал.

Его ноги срослись полностью, превратившись в змеевидный хвост. Он больше не мог ходить. Он мог только ползти.

Он смотрел на свои руки, покрытые узорами, которые теперь светились синим светом. Он был чудовищем. Окончательно и бесповоротно.

Но в его глазах, в его человеческих глазах, не было ужаса. Было принятие. Он сделал свой выбор. Он прошёл свой путь. И теперь он шёл к его концу.

Он пополз вперёд, к ослепительному синему свету. Его змеевидное тело извивалось, цепляясь за пульсирующую плоть Моста.

Он был готов.

Но затем всё изменилось.

ГЛАВА ПЯТАЯ: ПЕСОК, КОТОРЫЙ ПОЕТ О ЗАБВЕНИИ

#

Ползти было неестественно. Мышцы спины, привыкшие к вертикальному положению, протестовали, посылая волны боли вдоль позвоночника. Хвост, в который превратились его ноги, извивался сам по себе, подчиняясь древним, чужим инстинктам. Рин научился управлять им за несколько часов, но это управление было сродни управлению лодкой в бурном море — приблизительным и требующим постоянного напряжения.

Синий Свет заполнял собой всё. Он был не просто источником освещения; он был физической субстанцией, густой, как мёд, и холодной, как межзвёздный вакуум. Он давил на Рина, проникал в лёгкие с каждым вдохом, заставлял его мутировавшую кожу покрываться инеем. Двигаться вперёд стало невыносимо тяжело, как плыть против течения из расплавленного стекла.

Мост здесь больше не был похож на конструкцию из плоти. Он превратился в нечто среднее между коралловым рифом и нервной тканью гигантского существа. Поверхность была усыпана шипами, которые пульсировали синхронно со Светом, и впадинами, из которых сочилась золотистая, тягучая жидкость, пахнувшая озоном и статическим электричеством.

Его тело продолжало меняться, но теперь изменения были точечными, почти ювелирными. Кожаные крылья на спине покрылись тончайшей сетью синих прожилок, которые светились в такт пульсации Ао-Андона. Рот на руке теперь не просто шептал — он пел. Тихим, похожим на шум ветра голосом он напевал обрывки мелодий, которые Рин никогда не слышал, но которые казались до боли знакомыми. Это были песни забытых культур, исчезнувших цивилизаций, личные колыбельные мёртвых матерей.

Он полз, и его разум, очищенный от последних следов надежды и страха, начал воспринимать окружающее с новой, пугающей ясностью. Он чувствовал, как Мост дышит. Он слышал, как Синий Свет «звучит» — не слышимым ухом гулом, а вибрацией, пронизывающей саму ткань реальности. Он начал понимать язык, на котором Ао-Андон вёл свой безмолвный монолог. Это был язык геометрии, математики и чистых концепций.

«Ты начинаешь слышать,» — прозвучало в нём. Голос Ао-Андона был уже не внешним, а частью его собственного мыслительного процесса. *«Это хороший знак. Материал кристаллизуется. Принимает нужную форму.»*

Рин не ответил. Он просто продолжал ползти, анализируя новые ощущения. Он понял, что Мост — это не просто дорога. Это гигантский символ, иероглиф, выписанный в трёх измерениях. Каждый кайдан, каждая арка, каждый изгиб — всё это были штрихи в грандиозной формуле, цель которой он пока не мог постичь.

Он также понял, что его собственное тело стало частью этого иероглифа. Его мутации не были случайными. Они были буквами в предложении, нотами в симфонии. Крылья на спине представляли собой один аспект трансцендентности, хвост — другой, рот на руке — третий. Он был ходячим (или ползающим) предложением в языке Ао-Андона.

И он приближался к точке, где это предложение должно было быть закончено.

#

Мост внезапно обрушился вниз, образуя крутой спуск. Рин почувствовал, как сила тяжести меняется, притягивая его не вниз, а вперёд, к источнику Синего Света. Он катился по склону, его тело, приспособленное для ползания, беспомощно кувыркалось, крылья и хвост путались, костяные пластины скрежетали по поверхности.

Он приземлился на что-то мягкое и сыпучее. Песок. Белый, мелкий, неестественно холодный песок. Он лежал, пытаясь отдышаться, и смотрел вверх. Спуск, по которому он скатился, исчез. Над ним простиралось «небо» Рэйкая — бесконечная чернота, в которой висел Синий Свет, теперь занимающий пол-«небосвода». Он был так близко, что Рин мог разглядеть структуры внутри него — гигантские кристаллы льда, сквозь которые текли реки плазмы, сферы из чистой математической абстракции, пульсирующие как сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.